

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№5

6 в год за ежем. журнал «Всемирный Следопыт» с апр. 24 №№ «Вокруг Света», 12 №№ «Всемирный Турист» и 12 многокр. табл. «Народы мира» на обл. журн. За границу подписная плата выше на 50%. За перемену адреса—20 коп.

Редакция «Всемирный След.» и «Вокруг Света»: Москва Пушечная, Лубянк. пасс., пом. 63.

Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только с приложениями по I, по II или по III абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а) и во всех почтовых отделениях, а также письмомосцами.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а, тел. 2-24-63): за строку по 3 р.; за страницу—1759 р. (сверх тарифа—госналог 10%). При многокр. печат.—скидка по соглаш.

10р. год журн. Р. «Всемирный След.» с приложен. (сверх указан. слева) 24 книг ПОЛНОГО собрания сочин. Дж. ЛОНДОНА (вторая половина; первая половина, вышедшая в 1928 г., высылается за 4 р. 50 к.)

СОДЕРЖАНИЕ: Жизнь и скитания изобретателя-самоучки: 1905 год. Серия рассказов Н. Железникова. Продавец воздуха. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение), Между двух огней. Морской рассказ Ф. Грина. (К рисунку на обложке.) Шевели мозгами, Всемирный калейдоскоп. Объявления.

== ЖИЗНЬ И СКИТАНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ-САМОУЧКИ ==

Серия рассказов Н. Железникова

Рисунки художника П. Старонова

Девятьсот пятый год

Еще с осени 1904 года на Забайкальской железной дороге началось брожение. Весь год бесконечные эшелоны, проползавшие по путям, тащили на восток в ненасытную кровавую пасть Манчжурии толпы сметенных мобилизацией из деревень и городов всей страны обезличенных здоровых людей, груды продовольствия, оторванного от полуголодных ртов и нередко загнивавшего уже в пути, горы обмундирования, которого, казалось, хватило бы, чтобы одеть и обуть поголовно жителей нескольких губерний, и многообразные орудия разрушения. И все это там, в багрово-раскаленной ступе нелепой войны перемалывалось в гнойную кашу, выплескивалось в безучастные воды Тихого океана.

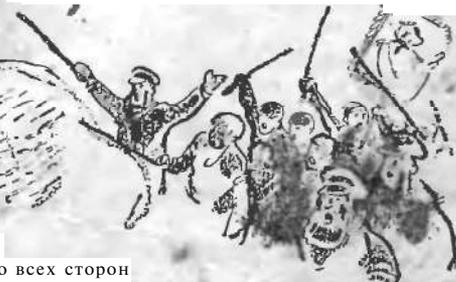
Назад эшелоны шли или пустые, или тащили бесконечную цепь искалеченных людей, выскочивших живыми из дробильного механизма войны. А с ними все упорнее и достовернее приползала весть, что там, на фронте—сколько туда ни везут—ничего нет: солдаты ходят голодные и оборванные, снарядов и патронов нет, порядка нет. И железнодорожникам становилось особенно ясно, что во всем этом и смысла никакого нет. Эта безоста-

новочная подача жертв представлялась им каким-то ужасным насосом, жадно втягивавшим в бездонное брюхо преступной войны последние соки нищавшей России...

Жизнь становилась все тяжелей. Все дорожало. Перегрузка железнодорожников работой неуклонно увеличивалась, и конца этому не было видно. Возрастали беспорядки, рос произвол, но еще быстрее поднималось общее недовольство. На дороге вспыхнуло несколько стачек. Управление дороги поспешило погасить недовольство, удовлетворив ряд экономических требований и проведя несколько прибавок жалованья. Но это была заплата на гнилом расползавшемся кафтане. Эти уступки не могли остановить начавшегося массового движения, имевшего глубокие корни и охватившего всю страну.

В январе 1905 года весть о петербургском кровавом воскресении пронеслась по дороге. А следом за ней прорвалась волна новых бурных стачек. 31 января в Томске произошла знаменитая вооруженная антиправительственная манифестация. Недовольство и жажда мести вырвались наружу, объединив сибирских железнодорожников общими стремлениями. Волнения все нарастали, пока не разразились к концу года бурей.

Илья, конечно, не остался в стороне. Все чаще проникали в мастерские революционные воззвания, про-

Горевшее здание было оцеплено со всех сторон погромщиками...

кламации, устраивались тайные собрания и открытые митинги. Сибирь располагала большим количеством агитаторов из числа политических ссыльных. В то время организованное революционное движение Иннокентьевских мастерских сильно было представлено эсерами. Многие товарищи Илья стояли в этой партии и постепенно втягивали его в работу организации. Ему неоднократно давали разные поручения: сохранить или пронести в мастерские прокламации, передать кому надо деньги, письма и т. д.

Еще с начала лета у него было подготовлено несколько тайников в лесу, но, когда он получил предложение сохранить на несколько дней типографский шрифт, который в любую минуту могут потребовать передать дальше, он устроил тайничок у себя в мастерской. В углу, под грудой беспорядочно наваленного железного лома стояла сломанная, чугунная плита с погнутой, не отпиравшейся дверцей. После нескольких часов работы эта плита превратилась в подобие несгораемого шкафа с секретным запором; по наружному виду она оставалась все тем же инвалидом кухни, похороненным под хламом мастерской.

Вечером из Иркутска привез шрифт учащийся промышленного училища. Илья запер дверь на ключ.

— Ну, смотрите кладовку, — подошел к куче лома, повернул что-то под краем плиты, и из боковой стенки, там, где была топочная дверка, бесшумно выскользнул продолговатый железный ящик.

— Ловко! — сказал юноша, укладывая в ящик привезенный ил тяжелый сверток. — Но я раздобыл маловато. У вас, товарищ, полегит, пока еще скольконибудь раздобудем из другой типографии. Доставать шрифт нелегко.

На другой день привез к Илье еще шрифта рабочий типографии Казанцева — Глазунов.

— Правду говорили, что ты ловкий мастер, — сказал Глазунов, осмотрев «сейф» Илья и оглядев мастерскую. — У тебя бы хорошо было собрать и печатный станок. Самое подходящее место.

— Это можно. Только надо меня познакомить со станком.

— Об этом не беспокойся. Ты лишь принимай что принесут, а я уж укажу как собрать.

В ближайшие же дни к Илье стали приносить отдельные части, сделанные по заказу Глазунова рабочими Иннокентьевских мастерских, а недели через полторы Илья с Глазу-

новым собрали новенький ручкой станок. После этого Илья с особенным удовольствием рассматривал каждую свежую прокламацию. Помимо волнующего содержания, в них было нечто новое: частица его собственной работы. В конце лета как-то само собой вышло, что Илья почти мимоходом, после одного из митингов, записался в партию эсеров. В то время при массовой тяге в революционные партии это было обычным явлением, а Илья уже давно фактически работал в партии.

Революционное движение перекинулось и в войска. Солдаты проходивших мимо Иннокентьевской эшелонов братались с рабочими. В начале октября пролетариат России дал первый пример в истории рабочего движения применения в качестве орудия политической борьбы всеобщей стачки. Движение поездов на дороге остановилось с 13 октября и не возобновлялось в течение одиннадцати дней.

Манифест 17 октября не остановил стачки. Ему не поверили. В мастерских комментировали манифест ходовой тогда прибауткой: «Царь испугался — дал манифест — мертвым — свободу, живых — под арест». В ближайшие дни после издания манифеста войска в разных городах стреляли в народ. Под покровительством полиции банды погромщиков из подонков общества при участии переодетых полицейских производили зверские расправы над незащищенным населением.

Особенно жуткое событие произошло при поддержке военного командования 20 октября "в Томске, где сожгли трехэтажное здание управления Забайкальской железной дороги с укрывшимися там от погромщиков участниками съезда железнодорожников, а заодно и с неуспевшими выйти служащими. Исполняющий обязанность начальника дороги Штукенберг, телеграфируя об этом событии начальству, писал, что число жертв выяснить не удалось. Сгорели помимо революционеров два инженера и много сотрудников, не окончивших работы, а также пришедших за получкой.

Мрачным средневековым веяло от картины, описанной беспомощным казенным слогом донесения: «Угрожаемые сгореть заживо, они пытались спастись выскакиванием из окон и спуском по водосточным трубам и выходом на улицу, но разъяренная толпа, к которой присоединилась масса хулиганов, настойчиво в течение нескольких часов поджи-

дая спасавшихся, принимала их дубиной, калеча, грабя и убивая... По рассказам очевидцев, в этом принимали участие и нижние чины войска...»

Через несколько дней Илья слышал рассказы очевидцев, случайно уцелевших участников съезда, когда они вернулись в Иннокентьевскую. Горевшее здание было оцеплено со всех сторон погромщиками. Пытавшихся спастись пристреливали или оглушали кувалдами, железными ломками и бросали обратно в огонь, а некоторых бросали прямо живьем. Обреченные, спасаясь от огня, подымались этаж за этажом, пока не вынуждены были вылезть на крышу. Крыша вместе с ними рухнула внутри пылающего здания. Дом сгорел дотла. Погибло сто семнадцать человек. Приехавшие приводили много докладов организаций погрома свыше. Не было сделано ни малейшей попытки разогнать толпу и спасти горевших.

— Гады! Изверги!.. — бормотал Илья, багровея и сжимая изо всех сил кулаки, когда он услышал об этом. — В порошок бы истер!..

Когда в Иннокентьевской было получено первое телеграфное сообщение о томском событии, по гудку созвали в депо рабочих, устроили митинг. Тут же постановили ехать в Иркутск, где жил генерал-губернатор, с протестом. Снарядили специальный поезд из нескольких вагонов, поехало больше двухсот человек. В Иркутске к Иннокентьевцам присоединились местные железнодорожники. Пока проходили по улицам Иркутска, Илья с радостью смотрел, как все увеличивались ряды манифестантов. Топот множества ног, общий ритм движения, сознание, что все собравшиеся думают и чувствуют одинаково, — все это заставляло Илью испытывать новый прилив сил. Ему казалось, что перед общим дружным натиском столько людей, воодушевленных одними желаниями, ничто не сможет устоять. Демонстрация действительно была грозная. Это впечатление не рассеялось даже после того, как несколько раз попадавшие навстречу полуроты солдат требовали разойтись, и разъезды казаков пытались отеснить манифестантов лошадьми.

Столкновений, однако, не произошло. Эта поездка имела гласным образом то значение, что положила начало более прочному единению между иннокентьевскими и иркутскими рабочими. В иннокентьевских мастерских и депо было более двух тысяч рабочих, в иркутском депо

"Такса" ткнулась в ноги проходившей мимо женщины...

(станция Глазково) — семьсот. Понятно, Иннокентьевны представляли более внушительную силу и были более организованны. Поэтому в трудную минуту они выручили иркутян. В один морозный ноябрьский день гудок созвал иннокентьевских рабо-

чих. Столяр Аношко сообщил, что из Иркутска получено тревожное сообщение. На станции Глазково «черная сотня» устроила погром. Грабят, поджигают магазины, началась резня. Охраны никакой нет. Надо немедленно ехать на помощь.

— Скорей за оружием, у кого что есть! — закончил он. — А тем временем составим поезд! Всего семь верст, мигом доедем...

Илья во всю прыть сбежал домой за ружьем. Когда он вернулся, был уже готов поезд из шести вагонов. Собралось ехать более двухсот человек. Выбрали двух руководителей, — машинистов Бродецкого и Подгорбунского. Паровоз прицепили такой, как для курьерского поезда, и через четверть часа уже подъехали к станции Глазково.

Высоко поднимались в морозном воздухе столбы дыма над горящими

магазинами. Около станции — толпа самого подозрительного вида, большинство пьяных, много оборванцев, бродяг.

Иннокентьевские рабочие прошли к разграбленным домам. Грабители рассеялись. Стали собирать местные

случае опасности дать гудок. По первому же гудку из депо явится помощь.

К девяти вечера Иннокентьевцы уехали обратно. С этого дня на Иннокентьевской и в Иркутске в течение шести недель безвластия порядок поддерживался образцово организованной самоохраной. Все дружинники были разбиты на сотни и десятки, снабжены оружием.

Илья был начальником десятки. Иногда с десяткой выезжал по просьбе крестьян окрестных селений, расположенных около заводов, охранять их от нападений бандитов.

Илья еще летом несколько раз предлагали принять участие в изготовлении бомб, указывая, что он, как изобретатель, мог бы найти упрощенные способы для работы, а может быть, придумал бы что-нибудь новое. Но он под разными предлогами уклонялся от этого: ему не хотелось изготавливать орудия разрушения. После томских событий он сам напомнил об этих предложениях. С тех пор он стал бомбистом, ввел несколько усовершенствований в изготовление адских машин, придумывал разные приспособления для отправки и хранения бомб.

В декабре дорога примкнула ко второй всеобщей стачке. Стачка продолжалась целый месяц. В Чите с первого декабря собрался съезд забайкальских железнодорожников, организовал центральный революционный комитет дороги и фактически взял в Чите и на дороге власть в свои руки. Из Читы рассылались по линии оружие, предлагали на местах организовать самооборону и местные революционные комитеты. В Иннокентьевской председателем комитета, в который вошли и эсеры и эдеки, избрали своего же столяра Аношко.

Илья был в организации на особом счету, как охотник, изобретатель и смелый, находчивый человек. После одного из заседаний Аношко подошел к нему и сказал:

— Ты ведь изобретатель?

— Да, занимаюсь...

— И к тому же на всякие выдумки ловок, голой рукой тебя не ухватишь. Ну, вот, по твоим способностям тебе и особую работу надо дать.

— От работы никогда не отказываюсь.

В тот же день бомбист, с которым обычно работал Илья, предложил ему подумать над возможностью изготовления нового снаряда:

жители, глазковские железнодорожники. Пожар-

ных было мало, работали плохо. Собравшиеся взялись помогать. Скоро затушили пожары. Тем временем пришли жители поселка при лесопильном заводе. Сказали, что на их поселок предполагается какое-то нападение. Отряд разделили на две части: половина осталась на станции, другая пошла к лесопильному заводу. Илья был в числе отправлявшихся к поселку. По дороге остановились в депо. Протяжным гудком созвали рабочих, устроили небольшой митинг. Предложили иркутскому депо организовать у себя самооборону, так как томский погром, события

того дня и многочисленные отдельные грабежи и убийства вынуждают к этому. В поселок пошли уже вместе с иркутскими железнодорожниками. Продемонстрировали объединение рабочих, вселили страх в громил. В поселке посоветовали в

— Вот если бы ты изобрел такую бомбу, чтобы можно бросить, не рискуя подметчиком! А то ведь, сам знаешь, попадет или не попадет она куда надо, а подметчик у всех на виду, его-то и цапают.

— Как же так сделать?..

— Вот это и придумай! Сделай, скажем, так, чтобы бомбу можно было, как собачонку, выпустить из подворотни и науськать ее на кого следует. А она сама должна побежать и разрядиться когда надо.

Ночью Илье снилась живая бомба. Длинная, черная, приземистая, с тряпичными ушами она выкатилась на кривых ножках из-под крыльца и помчалась вдоль по улице. Все разбежалось, улица опустела. Но странно: чем дальше убежала бомба, тем она казалась больше, точно она не удалялась, а приближалась. А хвостик ее вытягивался и разматывался длинным шнуром по дороге. Илья посмотрел на кончик хвоста и подумал: «Да ведь это не бомба, а всего-навсего черная такса!» Ему стало все ясно и понятно. Нечего и придумывать. Начинить таксу пироксилином, и готово дело!.. Ну, сейчас произойдет взрыв... Илья наступил на кончик хвоста и зажмурил глаза. Но вместо взрыва такса вдали залаяла и завизжала тоненьким голоском...

Илья проснулся. Он задел ногой балалайку, и одна струна еще не успокоилась, подскуливая еле слышно, как комар. Илья сел на кровати, стараясь припомнить весь сон. Во сне ему казалось, что он разрешил задачу, а теперь стало досадно: «Вот глупости! Начинить таксу... и надавить на хвост!.. А ведь как, казалось, хорошо!..»

Он засмеялся и хотел лечь снова, но не лег, а вскочил. Быстро стал ходить по комнате, шлепая босыми ногами по полу. Потом зажег свет, поспешно оделся и пошел в мастерскую.

— Вот ведь штука! — бормотал он, улыбаясь. — И из сна удастся что-нибудь выжать толковое! А ведь можно подумать, что я в самом деле во сне изобретал!..

Илья был ближе к истине, чем он предполагал. Мысль, начавшая работать в одном направлении днем при полном сознании, незаметно, но безостановочно продолжает копиться, наматывать бесконечную цепь других мыслей, когда голова как будто занята другими очередными делами, даже и во сне. Только сонные мысли принимают искаженные формы, переплетаются с другими наборами ассоциаций, перепутывают весь дневной распорядок мышления и кажутся поэтому нелепым, уродливым бредом

С этой ночи Илья начал строить модель движущегося и управляемого на расстоянии при помощи электричества фугаса. Он сделал сперва остов фугаса. Получилось нечто в роде огромной сигары.

Много ему пришлось повозиться над выделкой миниатюрного моторчика, который должен был заставить фугас бегать, а заодно и поворачиваться куда надо. Наконец он изготовил его, подладил на продолжении толстого конца сигары, соединил с парой насаженных по бокам металлических колесиков. На про-

должении оси мотора он установил между колесами небольшой магнит, который должен

был составлять главную часть рулевого приспособления. К моторчику и к каждому колесу надо было присоединять отдельные провода. Колеса были присоединены таким образом, что, когда пускался ток к одному из них, оно подтягивалось к магниту, а другое колесо отталкивалось и при этом выключалось из связи с мотором, вследствие чего весь снаряд поворачивался в нужную сторону.

Когда Илья к тонкому концу сигары приладил одно колесико поменьше для облегчения хода, модель стала походить на игрушечный аэроплан без крыльев. Но Илья, конечно, не вспоминал ни о сигаре, ни об аэроплане хотя бы потому, что сигар не курил, а об аэропланах не мог еще ничего знать. Он находил, что его модель делается все более похожей на таксу. Когда же он выкрасил ее черной краской и присоединил тройной электрический шнур, выпустив его под «брюшком» с тонкого конца, он решил, что сходство с таксой получилось полное.

При первом испытании «зверок» устроил переполох. Илья соединил шнур с аккумулятором и включил ток. «Такса» тихонько заурчала и медленно поползла по полу. Илья направил ее носом в дверь. Накинуть крюк забыл. И в тот момент,

когда электрифицированный «зверок», все быстрее вращая колесиками, подкатил к порогу, дверь распахнулась, вбежал братишка Коля. «Такса» юркнула между его ног, со стуком перекатилась через порог и выскочила на улицу. Из-за двери донесся женский визг. Коля запутался в проводе, упал и оборвал его.

Илья, оттолкнув братишку, выскочил на улицу спасать свою «таксу». Но та в защите не нуждалась. Ткнувшись в ноги проходившей мимо женщины, «такса» обратила ее в бегство. Женщина стояла посреди улицы и с тревожным изумлением, забавно раскрыв рот, смотрела, как Илья ловил своевольное железное страшилище.

Илья долго совершенствовал свой движущийся фугас. Употребить его по назначению, однако, не

«Кроме музыкального, никаких инструментов не имею.»

пришлось. Через несколько лет Илья видоизменил это изобретение, разработав проект сложной управляемой мины.

* * * Уже в конце декабрьской стачки стала нарастать волна реакции. По станциям разместили отряды 4-го Сибирского корпуса. В первых числах января 1906 года распространился слух, что из Москвы выехал карательный отряд под начальством Меллер - Закомельского. Начались снова обыски, аресты. Пришлось опять усилить конспиративность в революционной работе. Находчивость Ильи не раз выручала его из критического положения.

В дальнем конце слободки жили коммуной пять слесарей. Все они, включая даже и квартирную хозяйку, жену машиниста Подгорбунского, были членами организации. У них часто происходили собрания, прикрывавшиеся репетициями струнного оркестра. Они действительно участвовали в оркестре, выступавшем иногда на вечеринках и любительских спектаклях в железнодорожной школе. Илья играл в этом оркестре на балалайке.

Однажды он пошел к товарищам. В эту ночь они должны были работать в мастерских в ночной смене. За пазухой у Ильи лежал небольшой сверток — двести свежееотпечатанных полосок бумаги. Прокламации надо было ночью раскидать в мастерских. Заодно думал поиграть, нес с собой балалайку. Надвигались сумерки. Длинные тени ложились синими пятнами на снег.

Подойдя к большому пустырю, Илья услышат возглас: «Стоить! Кто идет?» — и увидел на другом конце пустыря несколько фигур. Длинные тени их извивались на снегу синими змеями. Несколько человек тщательно ощупывали карманы прохожего. Илья догадался, что это жандармский обход. В те дни по поселковым домишкам то-и-дело ходили с обыском, и даже на улицах жандармы устраивали облавы, останавливали и обыскивали прохожих.

Илья замедлил шаг. Пройти стороной или повернуть назад нельзя: его уже, наверно, увидели и все равно догонят. Можно было бы незаметно бросить прокламации в снег и спокойно продолжать путь, но ему жалко было с ними расставаться. Илья, недолго думая, наполовину оторвал сзади на балалайке одну доску, запихнул внутрь запретную ношу и медленно пошел дальше, лениво перебирая пальцами осипшие струны.

Жандармы направилась к нему остановили его в конце пустыря.

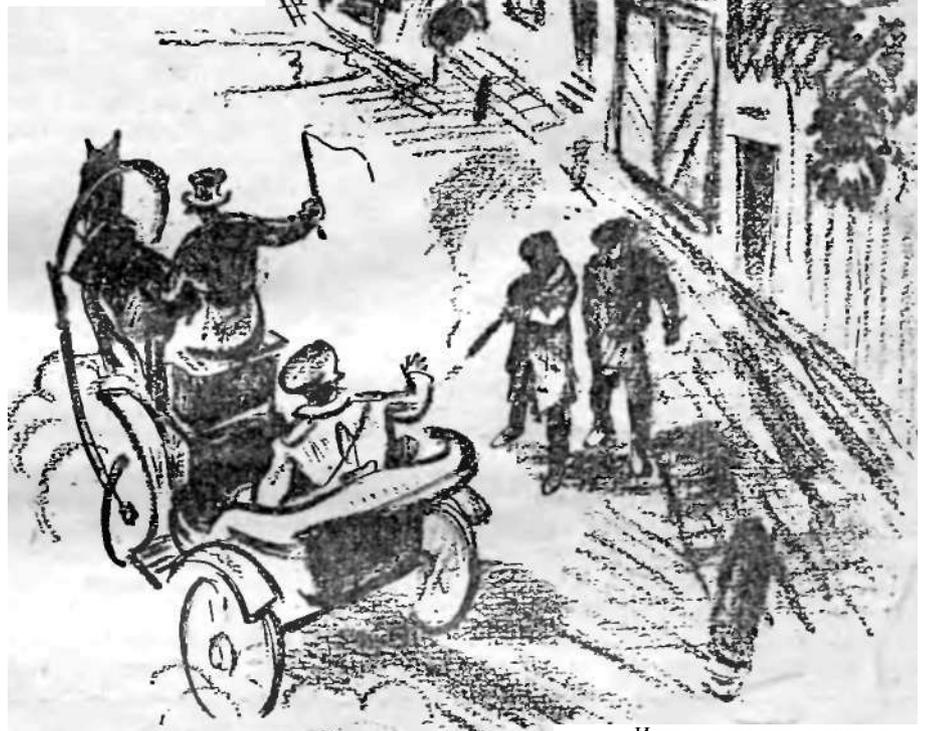
— Куда идешь?

— Да вот поиграть, — ответил он, выставляя перед собой балалайку в качестве вещественного доказательства своей благонадежности.

— Оружие есть?

— Кроме музыкального никаких инструментов не имею.

Привычные, властно ощупывающие

Инвалид всадил из костыля, оказавшегося охотничьим ружьем, в грудь жандарму заряд волчьей дробин...

руки жандармов обшарили всю одежду Ильи. На балалайку и не посмотрели.

— Иди!

Когда вошел Илья, слесаря пили чай. Илья повесил отяжелевшую балалайку на стену, подсел к столу, рассказал, что попал в облаву.

— Ну, верно, и по домам пойдут, — заметил кто-то.

— А пускай: не привыкать!..

— Ну, а теперь сыграйте что-нибудь, — предложила после чая хозяйка.

— Мне-то участвовать не придется, — сказал Илья. — Моя балалайка сегодня не играет.

— Струны-то ведь целы!

— А все же не играет...

Стук в дверь. Входят жандармы. Вахмистр поморщился:

— В этом доме всегда и своих и чужих много!

— Отчего же не повеселиться! — смеется хозяйка. Компания действительно собралась для самого мирного времяпрепровождения. На стенах и в руках у гостей гитары, мандолины, на столе самовар. Жандармы спросили, кто приходящие, бегло обыскали некоторых и ушли. После их ухода стали настраивать инструменты.

— Подождите, — говорит Илья, — надо раньше операцию над моей балалайкой произвести, — и положил ее к себе на колени спинкой вверх.

— Э! Да у нее доска оторвана!..

Илья, не отвечая, стал сосредоточенно извлекать из своего музыкального чемодана прокламации. Это оказалось значительно труднее, чем запихнуть их туда. Когда вылезла

наружу первая партия бумажек, ее встретили дружным хохотом. Под общий смех и шутки Илья торжественно с серьезным видом продолжал извлекать драгоценное содержимое балаалаечного нутра. А ребята говорят:

— Раз в балаалайку столько вошло, так гитару целой библиотекой можно начинить!

— Самый лучший способ хранить!..

Вечер провели весело.

* * *

Десятого января один за другим приехали два карательных отряда: подбесаула Алексева и генерала Меллер-Закомельского. В Иннокентьевской отряды не задержались: они шли «брать» Читу. Из Манчжурии навстречу им ехал к Чите отряд Ренненкампа. В карательных эшелонах имелись специально приспособленные вагоны для походной тюрьмы, были походные виселицы. По пути производили массовые аресты рабочих, пачками расстреливали. Меллер-Закомельский в своем донесении военному министру высказал сожаление, что Чита сдалась без боя. «Я нахожу, что для пользы дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры», — писал он.

Правительственный террор, начавшийся с проездом карательных отрядов, усердно поддерживался местной жандармерией. Настали тяжелые дни. Многие товарищи Ильи попали в прожорливые поезда экспе-

диций. Целыми партиями увозили революционеров в тюрьмы. Некоторые не вернулись никогда. Многие бежали. Аношко два месяца просидел в Александровском центральном, но ему удалось бежать вместе с семнадцатью арестованными товарищами-иннокентьевцами.

Всех, которые были в самоохране, записывались в революционные партии или по другим причинам попали на подозрение как «крамольники», вызывали на допрос к жандармскому ротмистру на вокзал. Илью допрашивали не один раз, допытывались, зачем он ходил с оружием, куда вносил деньги. Он отвечал, что был в самоохране с единственной целью оградить безоружное население от грабителей, деньги вносил, как и все: просили кому-то помогать, все и помогали. Несколько раз его арестовывали, но таких, как он, было много, ничего особенного за ним не могли найти, и его быстро выпускали. Разумеется, жандармы не узнали про его занятия с адскими машинами, иначе бы Илье несдобровать.

Весной при обратном проезде карательной экспедиции особенно свирепствовал Ренненкампа. В Иркутске, на Амурской улице на него было сделано покушение политическим сыльно-поселенцем. Бомба разорвалась почти у самых ног Ренненкампа, он отлетел на несколько метров в сторону, перевернулся дважды и все-таки остался жив и невредим.

Пришлось всем активным революционерам уйти в подполье. Илья

еще около года поддерживал связь с эсерами. Его богатая выдумка, разносторонняя изобретательность были незаменимы в условиях подполья. С особым интересом он следил за вылазками, попытками к борьбе, предпринимаемыми партией. Но чем дальше шла реакция, тем больше эти вылазки принимали характер одиночных террористических актов.

Некоторые из этих вылазок смелостью и остроумием приводили Илью в восторг, как например покушение на жандармского офицера Гаврилова, прославившегося в Иркутске своей жестокостью. Он ехал на извозчике в жандармское управление. На улице графа Кутайсова по тротуару проходил хромым инвалид с провожатым. У инвалида костыль был обернут марлей. Когда Гаврилов с ним поравнялся, инвалид всадил из костыля, оказавшегося охотничьим ружьем, в грудь жандарму заряд волчьей дробы. Бросив ненужный уже «костыль», «хромым» так резво побежал к ближайшему проходному двору, что никто не смог его догнать. Гаврилов после этого долго лечился.

Однако все это вскоре начало казаться Илье мало серьезным. Он постепенно стал отходить от эсеров, так как начал понимать, что одиночным террором ничего не добьешься, а, главное, страсть к изобретательству чем дальше, тем больше охватывала все его помыслы. Изобретать становилось для него насущной потребностью и основной целью его жизни.

== ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА ==

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ: Научные круги СССР и всего мира заинтересованы необычайными явлениями в атмосфере Земли: давление воздуха несколько уменьшилось, и направление постоянных ветров значительно изменилось, отклоняясь к северу.

Академии наук СССР снаряжает экспедицию в Якутию. Один из членов ее, метеоролог Клименко от лица которого ведется повествование) с проводником, якутом Николой, выходят из Верхоянска авангардом для определения маршрута экспедиции, следующей по направлению ветра. В пути Клименко и Никола, услышав призыв о помощи, спасают утопающего в болоте иностранца, держащего в руках странный тяжелый сосуд. Англичанин наскорю благодарит спасите ей и уходит, взбираясь вверх по склону.

Издali он кричит: «Услуга за услугу: не ходите по ветру — там смерть!» Клименко все же решает идти дальше.

На биваке Никола рассказывает, как три года назад он видел похожего на англичанина человека на льдину, на которой после крушения находились рыбаки. Никола с отцом и братом. Отец и брат потонули, а Николе удалось взобраться на пароход, где он нашел лишь мертвеца на носу, хотя машины продолжали работать. Потом пароход наскочил на береговую скалу, и Никола спасся в шлюпке.

Клименко предполагает, что «мертвым каюком» был ледокол английской полярной экспедиции «Арктик», загадочно пропавший у берегов Сибири.

По мере движения путников вперед ветер все усиливается. Никола пытается отговорить Клименко от продолжения путешествия: впереди, по его словам, «ноздря Лй-Тойона» (верховного божества якутов), которая затягивает неосторожных безвозвратно, — многие охотники-якуты уже пропали там. Своей решимостью Клименко увлекает и Николу. Подгоняемые все усиливающимся ветром, они взбираются по горному склону. Наконец, добравшись до вершины, Клименко видит внизу глубокий кратер с правильной формы «дырой» на дне его, куда и уходит воздух.

Ветер срывает Клименко и Николу с гребня, где они лежали на площадке, и устремляет с потоком плотного воздуха в кратер. Ветер несет их по спирали, круги все суживаются, и путники, теряя сознание, падают в «дыру»...

IV. Неожиданная встреча.

Когда сознание начало возвращаться ко мне, я прежде всего почувствовал свое тело: оно ныло и болело. Еще не открывая глаз, я ощутил чье-то прикосновение. С трудом разомкнув веки, я увидел перед собой моего верного спутника

и друга Николу. Но я не узнал его сразу. Вместо обычной меховой одежды из оленьей шкуры, на нем был одет серый больничный халат.

Я лежал на чисто застланной кровати, покрытой серым пушистым одеялом, в небольшой комнате без окон, освещенной электрической лампой, спускавшейся с потолка.

— Приехали! — сказал Никола, приветствуя меня своей неизменной улыбкой.

— В ноздрию Ай-Тойона? — попросил я пошутить. — Вот видишь, Никола, никакой ноздрии нет.

— А ты ее видел? Может быть, она как раз такая, — и Никола обвел рукою комнату.

— С электрическим освещением?!

Наш разговор был прерван. Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка в белом халате, — сестра милосердия, как решил я. Я уже не сомневался, что нахожусь в больнице. Но долго ли я был без памяти, как избежал смерти и как попал в эту больницу, я себе не уяснял.

Сестра обратилась ко мне с вопросом на неизвестном мне языке. Ч жестами дал понять, что не понимаю, и в то же время рассматривала девушку. Она была молодая, краснощекая и очень здоровая. Русый локон выбивался из-под ее белой косынки. Она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами, и повторила вопрос на английском языке. Этот язык мне был более знаком, — я читал по-английски, но говорить не умел. И я опять развел руками. Тогда девушка в третий раз повторила свой вопрос по-немецки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Благодарю вас, хорошо, — ответил я, хотя, признаться, чувствовал себя далеко не хорошо.

— У вас что-нибудь болит?

— Что у меня не болит! Я как будто прошел через мельничные жернова, — ответил я.

— Могло быть хуже, — сказала девушка, добродушно улыбаясь.

— Где я нахожусь, не будете ли вы так добры объяснить мне! — спросил я.

— Вы это скоро узнаете. В состоянии ли вы подняться с кровати?

Я сделал попытку приподняться и закусил губу от боли.

— Лежите, я сейчас принесу вам завтрак. — И она ушла, беззвучно ступая мягкими туфлями.

Никола чувствовал себя лучше. Правда, он потирал себе то бок, то спину, однако уже был на ногах. Расхаживая по небольшой комнате, он кряхтел и придерживал правое колено.

— Трубка пропал, табак пропал, курить хочется, — сказал он.

Вновь открылась дверь, и вошла сестра, на этот раз с человеком лет тридцати, бритым, одетым в шерстяную фуфайку и в сары — сапоги из конской кожи. Это напомнило мне, что я нахожусь в приполярных странах. Человек нес с собой такую же, какая была надета на нем, одежду для меня и Никола, а сестра принесла на подносе завтрак: яичницу, тартинки и чашки дымящегося какао.

— Кушайте, — сказала она приветливо, — а когда почувствуете себя в силах подняться, наденьте костюм и позвоните в этот вот звонок.

Она кивнула головой человеку в фуфайке и вышла с ним из комнаты. Я принялся за яичницу, поставленную на столик возле моей кровати. Несмотря на перенесенные волнения, мы с Николаем позавтракали с аппетитом. Какао доставило Николе еще неиспытанное им наслаждение. Он даже закрыл глаза и причмокивал, втягивая большими глотками горячей напиток.

Однако в этой больнице, очевидно, залеживаться долго не полагалось. Покончив с завтраком, я с трудом поднялся и осмотрел свое тело, вымытое кем-то и одетое в чистое белье. По всему телу виднелись многочисленные кровоподтеки, но кости были целы. Правое плечо вспухло и сильно болело. Похоже было на то, что кость в плечевом суставе вывихнута и вправлена. Да, могло быть и хуже...

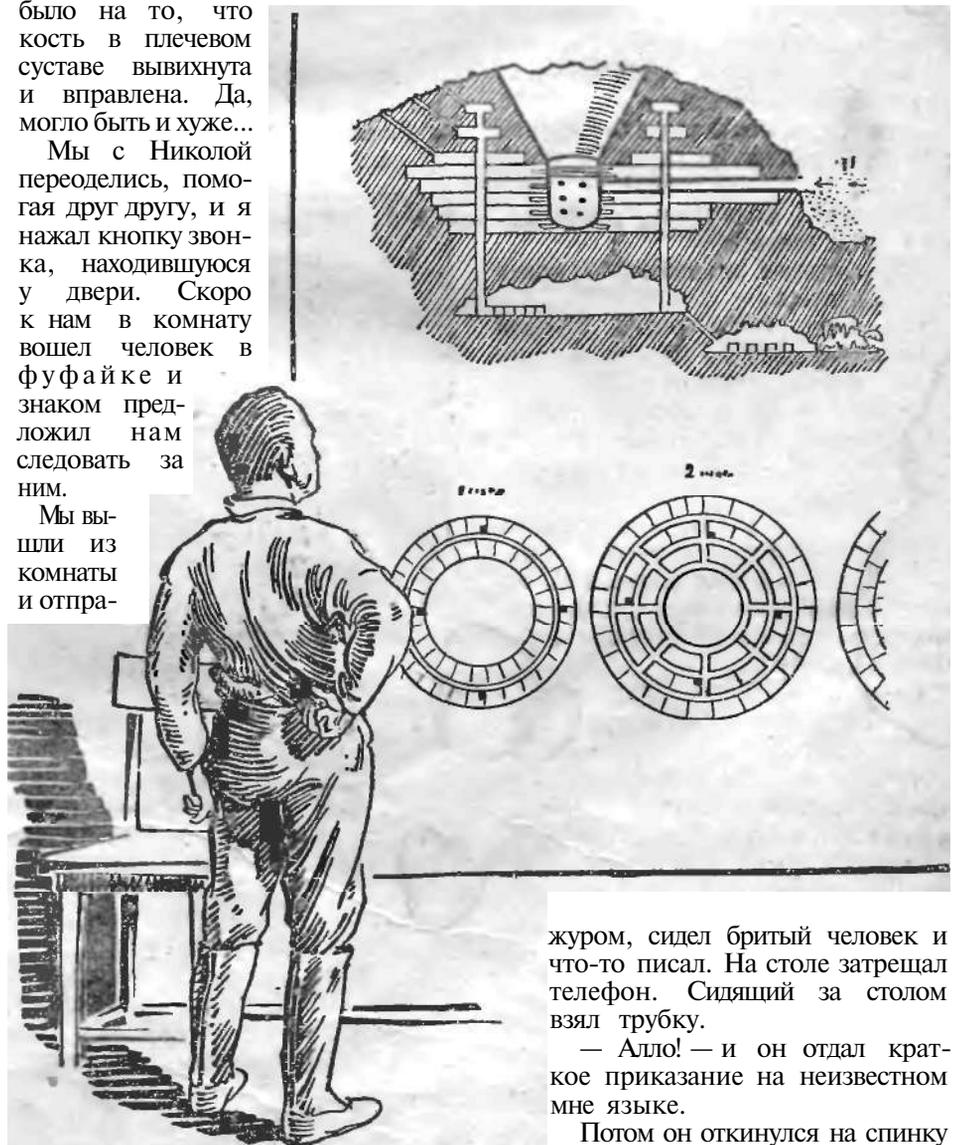
Мы с Николаем переоделись, помогая друг другу, и я нажал кнопку звонка, находившуюся у двери. Скоро к нам в комнату вошел человек в фуфайке и знаком предложил нам следовать за ним.

Мы вышли из комнаты и отпра-

вились по длинному загибающемуся коридору, освещенному электрическими лампочками. — По обоим сторонам в стенах мы видели двери с крупными номерами: 32, 33, 34... и против них 12, 13, 14... Как в отеле или наркомате.

Мы шли довольно долго, все время заворачивая. Откуда-то доносился ровный непрерывный гул. Где-то работали огромные машины. Нет, это скорее похоже на завод!

Наш провожатый неожиданно остановился у двери № 1 и постучал. Мы вошли в большой кабинет с прекрасной мебелью, усталанный коврами. Я обратил внимание на то, что и в этом кабинете не оказалось окон. Стены были заставлены шкапами с книгами и увешаны техническими чертежами. В углу стоял негосораемый шкаф, а возле большой шведской конторки — вращающаяся этажерка с папками. У конторки, освещаемой лампой под зеленым аба-

Мое внимание было привлечено большим чертежом, закрывавшим половину стены...

журом, сидел бритый человек и что-то писал. На столе затрещал телефон. Сидящий за столом взял трубку.

— Алло! — и он отдал краткое приказание на неизвестном мне языке.

Потом он откинулся на спинку вращающегося кресла и повернулся к нам лицом. На нем был се-

Мистер Бэйли.

рый пиджак и вместо жилета серая шерстяная фуфайка с острым вырезом на груди, из которого выглядывал отложной воротничок и клетчатый галстук. Можно было подыумать, что мы находимся в кабинете директора фабрики. Окончив осмотр костюма, я перевел глаза на лицо иностранца и невольно вскрикнул от удивления. Перед нами был англичанин, которого мы вытащили из болота.

Он также, повидимому, был удивлен этой встречей.

— А, старые знакомцы! — сказал он. — Садитесь.

Мы сели возле стола. Минуту англичанин смотрел на нас, как бы раздумывая, потом неодобрительно покачал головой и, постучав по столу чертежным угольником, сказал:

— А вы всё-таки не послушались моего совета.

— И пока живы, — заметил я, стараясь держаться непринужденно.

— Пока! — многозначительно ответил англичанин. — Это чистая случайность, что вы не разбились, как яичная скорлупа...

Он побарабанил пальцами по столу и вдруг быстро повернулся вместе с сиденьем кресла и углубился в бумаги, как бы забыв о нас. Наступила довольно томительная пауза. Потом он так же резко опять повернулся лицом к нам.

— Те, кто идут по ветру, не возвращаются! — отчеканил он, повторяя слова Николя, сказанные им — Или они умирают прежде,

... теперь. Но вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами, и я не хочу вашей смерти. Но... — англичанин поднял палец вверх. Потом опять повернулся в полоборота, что-то быстро написал на листке бумаги и спросил:

— Как вас зовут и кто вы?

— Моя фамилия Клименко, Георгий Петрович. А его зовут Никола.

Англичанин тщательно записывал мои ответы, как судебный следователь. Он спросил меня о возрасте, должности, образовании, пели путешествия (это последнее интересовало его больше всего). Я не считал нужным скрывать что-либо от него.

— А можно узнать, с кем я имею честь говорить? — спросил я, чтобы несколько уравнять наше положение.

Англичанин как-то фыркнул и бросил:

— Можно. Вы имеете честь говорить с мистер Бэйли...

— Мистер Бэйли? — удивленно переспросил я. — Тот самый, который снарядил экспедицию на «Арктике»? Значит вы не погибли?

— Для всех, кто там, против ветра, — я погиб. Но для вас, как видите... Вот что, мистер... Калименко...

— Клименко, — поправил я.

Но мистеру Бэйли не давалась моя фамилия, и он повторил ее на свой лад:

Проф. Сванте Энгельбрект.

— Вы, мистер Калименко, не уйдете отсюда. Вы тоже погибли для всех, кто живет против ветра. Вы метеоролог, это хорошо. Вы мне будете полезен. Нужно сделать, чтобы вас не искали ваши... товарищи.

— Это невозможно. Как только обнаружится, что я пропал без вести, на поиски меня будет снаряжена экспедиция.

— О, вы очень любите разыскивать пропавших людей, — с иронией сказал Бэйли. — Своих и чужих: Нобиле, Кулик, Горский...

Это удивило меня. Повидимому, Бэйли знал все, что делается «против ветра», то-есть во всем мире. Очевидно, он имел радиостанцию.

— Да, мы не привыкли оставлять без помощи человека, нуждающегося в ней, — ответил я с некоторой горячностью.

— Очень хорошо, — с той же иронией ответил Бэйли. — Но мы устроим так, что вам не нужна будет никакая помощь. Не беспокойтесь. Я уже сказал, что пощажу вашу жизнь. Но можно будет взять вашу одежду, в которой вы путешествовали, разорвать, окровавить ее и бросить на пути тех, кто будет искать вас. Вас разорвали звери. Кончено! Экспедиция вернется назад. Я не хочу, чтобы сюда кто-нибудь приходил... Вы можете идти, — закончил Бэйли, неожиданно обращаясь к Николе.

И когда Никола вышел из комнаты, мистер Бэйли поднялся, прошелся по кабинету и сказал:

— Мне еще надо с вами поговорить.

— Мне также, — ответил я, все еще пытаюсь «уравнять положения», если только можно уравнять положения пленника, каким я был, и человека, в руках которого находилась моя жизнь.

И не давая говорить Бэйли, я быстро продолжал:

— Вы говорите о том, что не желаете, чтобы кто-нибудь узнал о вашем существовании и нашел дорогу сюда. Это невозможно. Допустим, что вам удастся инсценировать мою гибель. Но научные исследования не будут приостановлены. Я еще не знаю что вы здесь делаете, но для меня уже вполне ясно, что это по вашей вине изменилось направление ветров, а следовательно изменился и климат. Пока население еще не очень обеспокоено, но ученые всего мира уже давно с тревогой следят за необычными явлениями, происходящими в атмосфере. Рано или поздно все почувствуют понижение атмосферного давления. На смену нашей экспедиции пойдут «по ветру» другие, и ветер неизбежно приведет их сюда.

— Я это знаю, — ответил Бэйли, с нетерпением выслушав меня. — Рано или поздно это должно случиться. Они придут сюда, и... тем хуже для них!.. А вы... вас я однажды уже предупреждал, но вы не послушались меня. Вот вам еще одно предупреждение: не пытайтесь убежать отсюда. Это может вам стоить жизни. Больше я не пощажу

вас. Скажите это и вашему якуту. Поняли? Я предоставлю вам некоторую свободу, если вы дадите мне слово... Впрочем, можете не давать: вы сами увидите, что бежать отсюда немислимо. У вас здесь будет много работы. Теперь идите, мистер Калименко. Уильям покажет вам вашу комнату.

Бэйли позвонил. Вошел слуга.

— Уильям, проводите мистера Калименко в комнату номер шестьдесят шесть. До свидания.

— Разрешите Николе поселиться в одной комнате со мной, — сказал я.

Мистер Бэйли подумал.

— Пожалуй, можно, — сказал он. — Но помните: никаких заговоров. До свиданья.

Я откланялся, и мы с Уильямом отправились по длинному дугообразному коридору, затем спустились этажом ниже и углубились в настоящий лабиринт. Меня удивило то, что на всем пути мы не встретили ни одного человека. Я спросил моего проводника, где же люди, но он ничего не ответил. Быть может, он не знал ни русского, ни немецкого языка, а вернее — не хотел говорить.

V. С неба на лекцию.

Я вошел в мою «камеру заключения». Комната имела не более тридцати квадратных метров, высота же едва ли достигала четырех метров. Стены были покрыты фанерой. Одна лампочка на потолке, другая на письменном столе. Две узких кровати у стен и несколько простых стульев.

После роскошного кабинета мистера Бэйли эта комната показалась мне более чем скромной. Но... «могло быть и хуже», вспомнил я слова сестры милосердия, и потому не очень опечалился. Уильям ушел, и скоро мое внимание было привлечено большим чертежом, закрывавшим половину стены.

На синей чертежной бумаге я увидел профиль подземного городка мистера Бэйли, изображенного в разрезе, и отдельные планы каждого этажа. На чертежах не имелось пояснительных надписей, но все же они давали общее представление о всем сооружении. Центр городка занимала огромная труба, в которую мы упали. Вокруг этой трубы шли пронумерованные помещения. Городок имел пять этажей ниже уровня земли и три этажа в стенах кратера. Ниже восьмого этажа виднелись две пещеры, повидимому, естественного происхождения.

Вправо от центральной трубы, вдоль пятого (считая сверху вниз) этажа шла боковая труба и оканчивалась она далеко за пределами комнат, выходя наружу. Эта труба больше всего заинтересовала меня. Первою моей мыслью было, что эта труба предназначена для отвода воздуха, входящего сверху. Однако, если бы через эту боковую трубу выходило столько же воздуха, сколько входило, то на поверхности должно было бы существовать второе воздушное течение — и убыли воздуха не замечалось бы, тогда как тщательно составленные нами синоптические карты показывали, что воздушные течения со всех концов земного шара направляются к одному месту, не встречая никакого обратного течения.

Если же ветер всасывается в подземный городок и никуда отсюда не выходит, то — чорт возьми! — давлением воздуха весь городок должен был бы давно взорваться, как котел, переполненный паром...

Дверь открылась, и в комнату вошел Никола. Он тщательно закрыл за собой дверь и, почесав го-

Элеонора Энгельбрэкт.

лову, вздохнул. Я ожидал, что он будет укорять меня за пренебрежение к его советам, но он заговорил об ином. Никола сообщил мне, что в одном из коридоров он встретил «двух Иванов» — двух якутов, пропавших год назад в «ноздри Ай-Тойона».

— Ты еще веришь в ноздрию? — спросил я его.

— Лучше было бы нам попасть в ноздрию Ай-Тойона, чем этого ёра, — ответил озабоченно Никола.

Он успел перекинуться несколькими словами с здешними якутами

Метеоролог Г. П. Клименко.

и узнал, что они работают в какой-то большой трубе по уборке и отвалке мусора, приносимого ветром из центральной трубы. Я посмотрел на план. Так вот для чего существует боковая труба!..

«Два Ивана» жаловались Николе, что их держат, как рабов, никуда не пускают, «но кормят сильно хорошо».

В комнату постучались. Вошел Уильям и пригласил нас на своем непонятном языке, подкрепляя слова жестом, следовать за ним.

Мы повиновались. В коридоре, у двери стоял якут «Иван старший». Уильям поручил ему Николу, а со мной двинулся дальше. Мы пересекли коридор, сели в кабину лифта у № 50, поднялись этажом выше и остановились у двери № 13. Уильям без стука отворил дверь, и я следом за ним вошел в очень большую комнату. Здесь, видимо, была лаборатория. На столе в идеальном порядке были расставлены сложные аппараты с компрессорами, медными трубками, змеевиками и холодильниками. Целыми рядами были расставлены стаканы, чаши, сосуды. Их посеребренная поверхность блестела при ярком свете двух дуговых ламп.

Вид этой ослепительной посуды был таков, как будто богатый наследник вынул из сундуков дедовское серебро, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Но я уже знал, что такие сосуды (с посеребренными стенками для отражения теплоты) употребляют при опытах с жидким воздухом.

Жидкий воздух!.. Ведь его плотность в 800 раз больше атмосфер-

ного. Не представляет ли городок Бэйли фабрику для превращения атмосферного воздуха в жидкий?

Занятый своими мыслями, я сперва не заметил человеческую фигуру, склоненную над одним из столов. Это была женщина в белом, халате. Она подняла голову, и я узнал сестру милосердия. Она также узнала меня и улыбнулась, видя недоумение, отразившееся на моем лице.

— Пожалуйста, пройдите в кабинет, отец ждет вас,— сказала она, протягивая руку по направлению ко второй двери.

Я постучал и вошел во вторую комнату. Она были почти такой же величины, как первая, но здесь не

Он говорил так просто, как будто я пришел к ним по своей воле и предлагал им свои знания и труд.

— Моя фамилия Энгельбрект,— сказал он.— Садитесь, прошу вас.

— Энгельбрект!— с удивлением воскликнул я, продолжая стоять.— Вы Сванте Энгельбрект, гибель которого на «Арктике» оплакивалась всем культурным миром?..

— Слухи о моей смерти были значительно преувеличены,— повторил знаменитый шведский ученый остроту Марка Твэна.— Да, я живой Сванте Энгельбрект.

— Но почему... что заставило Бас скрываться?

Элеонора начала свою первую лекцию...

было инструментов. Зато все стены были уставлены полками с книгами, а на большом письменном столе лежали груды листов, исписанных химическими формулами.

При моем появлении из-за стола поднялся очень высокий, пожилой, но еще моложавый на вид человек с русыми волосами, серыми глазами и румяными щеками. Его добродушная улыбка очень напоминала улыбку девушки. Он крепко пожал мою руку и сказал:

— Мистер Бэйли и Элеонора уже говорили мне о вас. Мы нуждаемся в таких людях, как вы. К сожалению, вы не химик, но все же ваша специальность довольно близко соприкасается с моею... Вы, так же как и я, «питаетесь воздухом»,— улыбнулся он.

Энгельбрект нахмурился.

— Садитесь, прошу вас,— сказал он.— Я служу у мистера Бэйли главным инженером. Мы изготавливаем жидкий воздух, водород и гелий, добываем из воздуха азот, кислород...

— И что же вы делаете с ними?— не удержался я от вопроса.

— Это уже дело предпринимателя мистера Бэйли. Очевидно, он продает...

— Но как?.. Я как будто не слышал о концессии...

— Финансовая сторона дела мало интересует меня,— несколько то-

ропливо прервал меня Энгельбрект.— Об этом вы можете узнать у мистера Бэйли. Я работаю по контракту и кроме своих лабораторий ни во что не вмешиваюсь. Мистер Бэйли человек с исключительно широкой инициативой и большим деловым размахом. Он не скупится на расходы, чтобы обеспечить мне спокойную научную работу. Ко да вы ознакомитесь с ней, то увидите, что нами сделаны ценнейшие научные открытия, еще неизвестные миру. Мистер Бэйли пускает их в оборот, это его дело. В его финансовые затеи я не вмешиваюсь,— еще раз, видимо торопясь сообщить все необходимое, повторил ученый.— Я испытываю единственный недостаток: в лаборантах. Мне даже нет времени самому делать опыты. Я их провожу только здесь,— и Энгельбрект показал на листы бумаги, испещренные формулами.— Мне помогает дочь, Элеонора.

— Сестра милосердия?..

Энгельбрект улыбнулся:

— Она у нас и сестра милосердия, и ученый лаборант, и хозяйка моего маленького хозяйства,— сказал он с теплотой в голосе.— Она молодец. И я надеюсь, что вы сможете ей работать в лаборатории. Она введет вас в курс дела. Если вы не справитесь с каким-нибудь заданием, обращайтесь ко мне, я вам всегда помогу, если это понадобится... Итак, за дело,— закончил Энгельбрект, протягивая мне руку.— Не теряйте времени.

Я откланялся и вышел в лабораторию.

— Сговорились?— спросила Элеонора.

Я развел руками с видом покорности судьбе.

— Садитесь и давайте работать,— просто сказала она мне, подвигая ближе к себе свободный табурет.

Я уселся с видом прилежного ученика. Она приступила к настоящему экзамену.

— Способ добывания жидкого воздуха?., гм... гм... Он состоит в том...— начал я свои ответы, разглядывая волосы Элеоноры, выбивающиеся из-под белой косынки,— в том, что охлаждением, получаемым от расширения самого воздуха, пользуются для его охлаждения. Воздух сжимают постепенно до двухсот атмосфер, а потом давление падает сразу до двадцати, и температура вследствие происходящего расширения, понижается до тридцати градусов ниже нуля. Так продлевают несколько раз, пока температура не достигнет 180 градусов ниже ну-

ля. Тогда при давлении в двадцать атмосфер воздух может уже перейти в жидкое состояние...

«Какие у нее красивые волосы...» — это, конечно, не вслух.

Элеонора поймала мой взгляд прежде чем я успел опустить веки, поправила выбившийся локон, едва заметно улыбнулась и сказала с важностью, так не шедшей к ней:

— Поверхностно и не совсем точно, однако для начала сойдет. Вы знаете этот аппарат?

— Аппарат Линде для сгущения воздуха, — ответил я, радуясь, как школьник, своему знанию.

Элеонора кивнула.

— Да, но это детская игрушка. Вы увидите сложные машины, которые сконструировал мой отец...

Экзамен продолжался.

— Однако вам еще надо приобрести много теоретических знаний. Добывание жидкого воздуха...

И она, не отрываясь от работы, начала свою первую лекцию. Я сосредоточивал все свое внимание, но мысли мои все время отвлекались. В данную минуту мне было гораздо интереснее знать, каким образом она и ее отец оказались в этом подземном городке, почему погиб «Арктик», кто был тот мертвец, которого видел Никола на носу корабля, какое употребление делает Бэйли из жидкого воздуха, какие отношения между ним и Энгельбректами... Тысячи вопросов теснились в моей голове, но я не решился задать их моей учительнице...

— ...Жидкий воздух представляет легко подвижную прозрачную жид-

кость бледно-голубого цвета с температурой минус сто девяносто три градуса Цельсия при атмосферном давлении, — продолжала Элеонора. — Полученный из аппарата воздух бывает мутным вследствие примеси замерзшей углекислоты, которая в незначительном количестве содержится в воздухе. После профильтрования через бумажный фильтр воздух становится прозрачным...

Якут Никола.

«Бедная девушка! Невесело должно быть ей в такой дыре. Неужели она с отцом добровольно решила на эту ссылку?» — думал я.

— ...При испарении жидкого воздуха сначала выделяется кипящий азот, точка кипения которого минус сто девяносто четыре градуса Цельсия, потом аргон... Что выделяется при испарении жидкого воздуха? — вдруг переспросила она, уловив мой рассеянный взгляд.

— Аргон, — ответил я машинально, поймав последнее звуковое впечатление ее грудного голоса.

(Продолжение в следующем номере)

Элеонора нахмурилась.

— Вы невнимательно слушаете меня, — сказала она с упреком.

— Простите, но ведь я всего только несколько часов назад свалился с неба. Согласитесь, что неожиданно попасть после такого необычайного воздушного путешествия на лекцию о жидком воздухе...!

На лице строгой учительницы появилась улыбка. И вдруг, не выдержав, она расхохоталась с детской веселостью.

— Пожалуй, вы правы, вам надо отдохнуть и прийти в себя.

Я очень обрадовался этой «перемене», и поспешил спросить ее:

— Но, скажите, каким образом я остался в живых?

— Вас случайно заметили, когда вы летели. Вентиляторы были остановлены, и вы довольно мягко упали на первую решетку. Труба имеет целый ряд сит для задерживания мусора. Все это станет вам понятным, когда вы осмотрите устройство. Завтра воскресенье, и я покажу вам.

— Еще один вопрос...

Но Элеонора уже сосредоточенно работала.

— Идите и отдыхайте, — сказала она с мягкой повелительностью.

Лицо мое, вероятно, выразило огорчение, потому что, взглянув на меня, девушка поспешила прибавить с ее обычной добродушной улыбкой:

— Мы с вами еще сегодня увидимся в библиотеке после шести. Второй этаж, номер сорок один. — И, кивнув мне, она вновь углубилась в работу.

Я ушел к себе...

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

К рисунку на обложке

Рассказ Ф. Грина

Резвый порыв ветерка всколыхнул голубую поверхность тропического моря, и она тотчас же покрылась белыми пенистыми гребнями, ослепительно сверкавшими под лучами зимнего солнца.

Я стоял вместе со своим другом на палубе броненосца. Опершись на перила, мы глядели вдаль и дожидались минуты, когда гигантские орудия начнут извергать сталь и пламя. На это судно я попал по приглашению моего друга, представителя военного флота дружественной державы, и от него, между прочим, я узнал об огромном значении морских маневров для флота.

Над судном взвился красный флаг, и броненосец немедленно взял другой курс. Передние боевые башенки вздыбились. Черные клубы дыма вырвались из труб. Все судно задрожало — так велико было напряжение турбин, силивших придать боевому гиганту возможно большую скорость.

Внезапно красный сигнальный флажок упал, и в то же мгновение из четырех орудий броненосца одновременно вырвалось пламя, и мы чуть не были сбиты с ног силой сотрясения. Красноватые, цвета ржавчины, клубы газов окутали длинные жерла, и прежде чем замерли звуки оглушительных взрывов, перед нами с жут-

ким душераздирающим воплем пронеслись четыре стальных посланца смерти.

— Глядите! Вон они! — воскликнул мой друг, не отнимавший ни на секунду бинокля от глаз.

Я невольно улыбнулся, я готов был подумать, что он шутит. Представьте себе мое изумление, когда я действительно увидел колоссальные снаряды, несшиеся со скоростью 300 метров в секунду. Однако это не должно никого особенно удивлять, так как следует принять во внимание огромные размеры снарядов.

Вдали, там, где море сливалось с горизонтом, чернела точка, которая, как мы знали, представляла собою артиллерийскую мишень. Через несколько секунд после залпа море у мишени всколыхнулось, вспенилось,

и мишень словно была проглочена. Снаряды попали в цель.

В этот момент я заметил странную перемену в моем друге. Мне даже показалось, что его лицо словно покрылось желтоватой бледностью.

«Неужели это возможно, чтобы старый моряк был не в состоянии владеть своими нервами во время артиллерийской стрельбы?»—невольно пронеслось у меня в голове.

Когда учебная стрельба закончилась, я осторожно выразил свое удивление по поводу его бледности.

— О, нет,— живо возразил он.— Грохот орудий меня несколько не беспокоит. Я даже люблю учебную стрельбу. А если вы заметили у меня бледность, то это объясняется нахлынувшими воспоминаниями о том, что случилось однажды в дни моей юности.

Я был тогда новоиспеченным мичманом и находился на одном из крупнейших боевых судов. Но так как я не был прикреплен к орудию, как все прочие товарищи, меня назначили начальником команды, на обязанности которой лежало исправление и починка мишеней во время учебной стрельбы.

Однажды утром под моей командой находилась маленькая флотилия из трех шлюпок, а также паровой катер, державшийся на некотором расстоянии, так как он должен был спешить к нам на помощь в случае какой-либо непредвиденной катастрофы с людьми или с лодками.

Артиллерийская мишень представляет собою гигантский поплавок, на котором высятся так называемые мачты, то-есть попросту столбы, а поперек них приколачиваются доски, образующие нечто в роде огромного щита. Мы привели мишень в порядок, а потом отошли метров на семьсот и стали дожидаться появления нашего судна, которое должно было открыть стрельбу в определенном месте.

Часов около восьми утра мы завидели издали стального богатыря, несшегося в нашем направлении на всех парах. Судно находилось еще километрах в двадцати пяти от нас, в то время как пристрелка начинается обыкновенно с расстояния не более пятнадцати километров.

Пока мы смотрели на судно, из его труб стали валить клубы густого, почти черного дыма, четко выделявшегося на фоне безбрежного моря. Мы знали, что броненосец все больше прибавляет ходу. Нам также было известно, что у орудий стоят полубнаженные товарищи, напряженно дожидаясь начала учения, и тут же

лежат приготовленные для стрельбы снаряды.

Мои матросы низко пригнулись на скамьях, но это не должно вас удивлять. Правда, мы находились на изрядном расстоянии от мишени, и следовательно, не было никакого риска для нас. Но уж таково психологическое действие этих гигантских орудий, что невольно чувствуешь какое-то щемление в груди, когда над головой проносятся шесть или восемь стальных птиц весом в тысячу килограммов каждая... Прошло некоторое время, и судно вдруг круто повернуло и заняло позицию параллельно мишени. Было ясно, что сейчас последует стрельба.

Внезапно весь борт броненосца оказался охваченным пламенем. На мгновение мне показалось, что судно взорвалось. Только мачты выделялись среди багровой дымовой завесы.

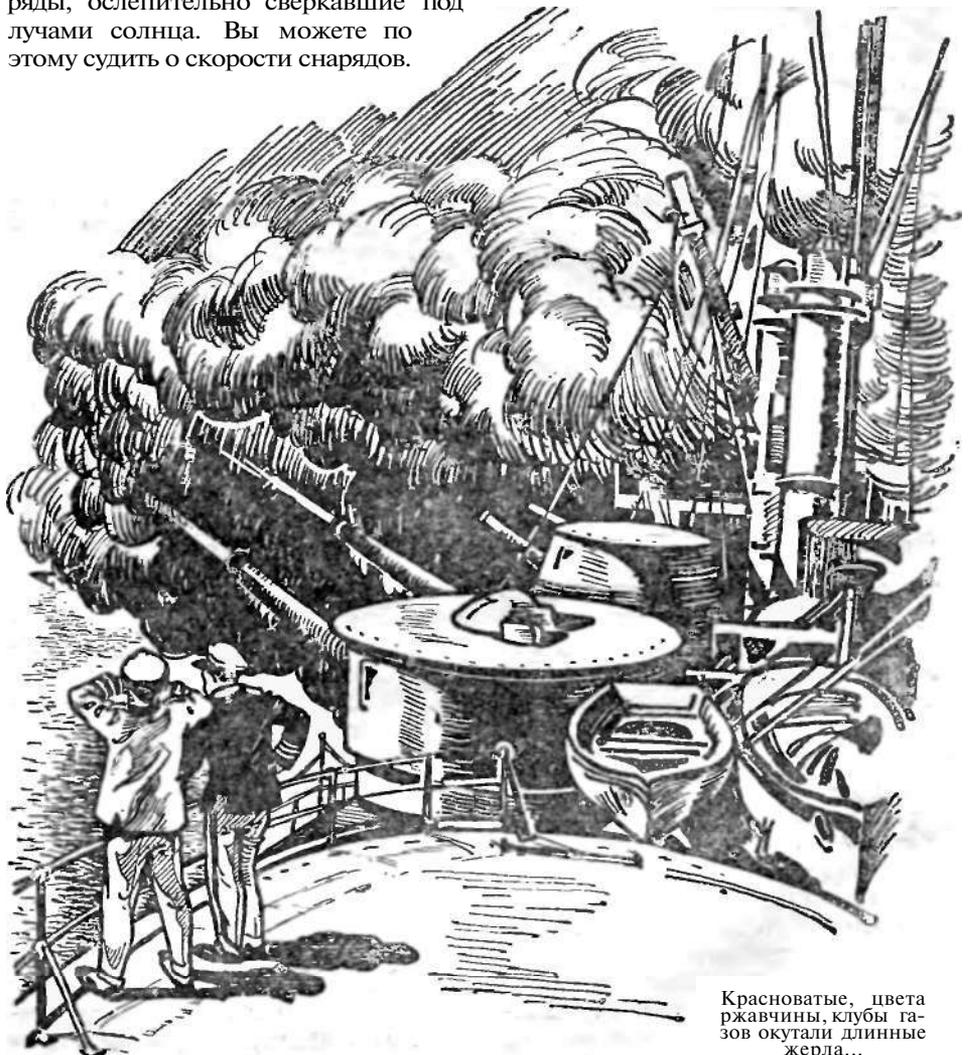
Звуча выстрелов мы еще не слышали, но и без того знали, что навстречу нам, вернее мишеням, несутся страшные стальные посланцы. Представьте себе, что в тот момент, когда до нашего слуха донеслись раскаты канонады, мы увидели и снаряды, ослепительно сверкавшие под лучами солнца. Вы можете по этому судить о скорости снарядов.

Не успели еще снаряды исчезнуть из поля нашего зрения, как раздался оглушительный грохот почти рядом с нами,— два снаряда попали прямо в поплавок мишени и раздрили несколько бревен на мелкие части. Во все стороны разлетелись куски дерева. В тех местах, где снаряды ударились о поверхность воды, взметнулись фонтаны брызг. Каждый из этих своеобразных гейзеров был вышиною, по нашим приблизительным подсчетам, в сто с лишним метров.

Залп за залпом выбрасывал броненосец. Моя команда, состоявшая главным образом из новичков, с невольным ужасом наблюдала за этой великолепной, но в то же время жуткой картиной. Все молчали.

Судно стало поворачивать и подало сигнал о перерыве в стрельбе. Нам предстояло починить поплавок.

Достигнув мишени, мы очутились в море обломков. Работа действительно предстояла огромная. Заново пришлось воздвигать мачты и строить щит. Я приказал матросам подняться на поплавок и работа за-

Красноватые, цвета ржавчины, клубы газов окутали длинные жерла...

кипела. Надо было отдать справедливость нашим товарищам на броненосце: они прекрасно справились со своей задачей.

Работа подвигалась дружно, но нее же прошло не менее двух часов, пока, наконец, починка была закончена. Я знал, что капитан броненосца нетерпеливо дожидается нашего сигнала, чтобы снова возобновить стрельбу. Каждые десять-пятнадцать минут сигнальный рефлектор запрашивал нас, скоро ли мы закончим работу и уберемся прочь от мишеней.

Чтобы ускорить дело, я приказал двум лодкам отойти от мишени, как только была закончена главная и самая трудная часть работы. Боцман остался со мною. Матросы спешно заканчивали исправления на мишени. Я сказал боцману, что поеду в одной лодке с ним, и отдал распоряжение катеру держаться возможно ближе на случай несчастья.

Моя ошибка была в том, что я не посвятил в свои планы матросов, и они не имели понятия, собираюсь ли я ехать с ними или же на катере.

Как только работа была закончена, матросы один за другим начали прыгать в лодку и занимать свои места. Я забыл вам сказать, что хотя море и было относительно спокойно, но все же волны ударялись о поплавок, окатывая нас порою с ног до головы. Я стоял на самом краю полавка, где меня все время обдавало пеной, и наблюдал за посадкой. Когда последние матросы уже усаживались, я стал выжидать момента, чтобы самому вскочить в лодку, но, как на зло, каждый раз волны ударяли мне прямо в лицо. Я придвинулся к самому краю полавка и приготовился прыгнуть. Внезапно одна нога моя поскользнулась, и я полетел в воду. При падении я сильно стукнулся головой о бревно и потерял сознание...

Когда я пришел в себя, я находился на поверхности, у самого полавка. У меня мелькнула мысль, почему не показывается лодка, чтобы подобрать меня. Я хотел было закричать, но голос отказывался мне служить. С трудом я вскарабкался на поплавок.

Велико же было мое изумление, когда, оглядевшись кругом, я увидел, что последняя лодка, которая, по моему мнению, только что отчалила, находилась уже на расстоянии около километра, а катер и того дальше.

Мне все стало ясно: я был наказан за то, что так неопределенно отдавал распоряжения. Боцман ре-

шил, что я в последнюю минуту сел на катер, а матросы вообще не знали, на каком из суденышек я собираюсь ехать. Я мог винить только самого себя. Пена и брызги разбивавшихся о поплавок волн помешали матросам заметить мое падение.

А тем временем боцман, следуя моим указаниям, сигнализировал броненосцу, что все готово. И тотчас же стальной гигант пустился под полными парами назад, на свое место, готовясь снова открыть огонь.

Стоя на полавке, я словно оглушенный смотрел на судно, думая о том, что меня ждет верная смерть. Я чувствовал себя еще прескверно после падения в воду, и мне нисколько не стыдно сознаться в том, что слезы чуть было не брызнули у меня из глаз.

Внезапно меня осенила мысль. Как знает всякий артиллерист, первый залп редко попадает в цель. Сперва нужно «нащупать» мишень—непроисходит ли перелет; второй залп обыкновенно дает недолет, а третий попадает в цель.

«Таким образом,—размышлял я,— в моем распоряжении есть еще несколько минут, чтобы хоть сколько-нибудь притти в себя. А когда с третьим залпом снаряды начнут ложиться у самой мишени, я во-время нырну и останусь под водою до тех пор, пока разорвутся снаряды. Таким образом только попадание в упор может убить меня».

Едва я пришел к этому заключению, как весь бок броненосца заволокло пламенем; следовательно, первые снаряды уже находились на пути к мишени. Я затаил дыхание и ждал. Поверьте мне, это довольно жуткое ощущение—стоять и ждать, в то время как навстречу вам несется с полдюжины снарядов, весом каждый чуть ли не в тонну.

Колени у меня подкосились, когда до моего слуха донесся отвратительный звук быстро мчавшихся снарядов. Невольно я взглянул вверх и краешком глаза на мгновение уловил нечто в роде стаи гусей, летевших ко мне навстречу. Мои расчеты оказались правильными—снаряды все легли за мишенью, и шесть гейзеров поднялись в том месте, где они ударились в воду. Но один из них упал не более чем в ста шагах от меня.

Мне стало ясно, что лучше всего будет, если я нырну, как только раздается второй залп, ибо не исключена была возможность, что один из снарядов попадет в цель.

Я быстро скинул сапоги и начал выбирать место, откуда удобнее

всего было бы нырнуть. Я знал, что следующий залп последует секунд через двадцать, и приготовился к прыжку.

Вообразите мой ужас, когда, взглядевшись в прозрачную воду, я увидел целую стаю акул. Время от времени они и открывали гигантские пасти, обнажая острые, слегка загнутые зубы.

Не успел я притти в себя, как с судна был дан второй залп. Я чуть было не лишился сознания от ужаса. Было бы верным самоубийством, если бы я нырнул прямо в стаю людоедов, но, с другой стороны, можно было ожидать, что один из снарядов ударится о поплавок и разорвет меня на части нисколько не хуже акул...

Несмотря на то, что полет снаряда продолжается всего секунд пятнадцать, мне казалось, что прошли часы, прежде чем метрах в ста от мишени поднялась водяная гора с белым гребнем; вслед затем в воду ударились еще пять снарядов, причем один из них сорвал верхушку мишени и разорвался в воде всего лишь в нескольких десятках метров от меня.

Обломки мишени полетели во все стороны, и у меня появилась смутная надежда, что акулы испугаются и уберутся в другое место. Меня ждало, однако, разочарование. Я увидел, как от стаи акул отделились три хищника и вонзили зубы в одну из досок, оторванных от мишегин, предполагая, что это съедобная вещь.

Таким образом мое положение было как нельзя более ужасно. Следующий залп, без сомнения, ударит в мишень, в щепы разнесет мачты и меня вместе с ними. Я все еще оставался на полавке, думая о том, что тут у меня есть хоть какая-нибудь надежда, один шанс на тысячу, получить ранение или контузию, в то время как в воде меня ждет неминуемая смерть от акул.

Я успел подсчитать, что в моем распоряжении остается еще секунд тридцать. Пятнадцать уходит на зарядку, пятнадцать—на полет. Должен заметить, что я успел уже окончательно притти в себя после злополучного падения, и мой мозг работал совершенно ясно. Мысли мои приняли другой оборот: я решил, что против снарядов я совершенно беспомощен, между тем, как оставаться несколько секунд в воде и успеть спастись от акул вполне мыслимо, тем более, что вода на большом расстоянии кругом будет вспенена снарядами.

Помню, я стоял, сжав кулаки и крепко стиснув зубы, и ждал. Вдруг

я увидел столб пламени над броненосцем, клубы дыма, окутавшие судно, и мне стало ясно, что снаряды уже несутся в моем направлении. Не успею я как следует набрать воздуха в легкие, как они уже ударятся в мишень и разнесут ее вдребезги. И в этот момент я должен находиться под водой, независимо от того, будут поблизости акулы или нет.

Внезапно на глаза мне попался какой-то блестящий предмет: в одной из мачт торчал нож, воткнутый туда кем-то из матросов во время починки мишени. Очевидно, нож был забыт во время спешки. Он показался мне символом спасения.

Секунды летели — и вместе с ними летели снаряды. Я быстро подскочил к мачте и вырвал оттуда нож. Набрал полные легкие воздуха и совершенно позабыв о страхе, я подбежал к краю поплавок и прыгнул в воду.

Очтившись в воде, я открыл глаза и увидел над головою белое брюхо хищника. Держа нож в вытянутой руке, я направился к страшному врагу.

Мне кажется, острие ножа уже успело коснуться акул, когда я почувствовал страшное сотрясение, от которого чуть было не потерял сознание. Однако я не растерялся и задержал дыхание на несколько секунд, в течение которых произошло почти одновременно еще пять сотрясений, правда, не таких сильных, как первое.

Едва я очутился на поверхности, я посмотрел на мишень, и мне стало все ясно. Три мачты были совершенно сорваны, а один снаряд попал в самый поплавок и разнес его в щепы. В тот же момент я обратил внимание на странную окраску моря вокруг меня. Пена была розового цвета, и вода

была окрашена в пурпурный цвет. Очевидно, один из осколков снаряда Попал в акулу и убил ее в тот момент, когда я собирался нанести ей удар ножом.

Я с большим трудом вскарабкался обратно на поплавок, еще не веря в свое спасение. «Ну,— подумал я,— акулам досталось на орехи, и теперь, надо полагать, они уберутся отсюда». Я глубоко ошибался. Кровь одной из них привлекла еще больше акул, и они стаями носились во все стороны.

А еще хуже было то, что во время сотрясения, вызванного разрывом снарядов, я выронил нож и теперь снова оказался безоружным.

Теперь я уже отказался от всякой надежды на спасение. Я мысленно представил себе, как поднимаются башенки с орудиями. На этот раз, без сомнения, все шесть снарядов ударят в мишень, и от нее не останется и следа... так же, как и от меня. Остаться на поплавке—значит обречь себя на смерть, нырнуть безоружным в воду—значило отдать себя на растерзание акулам...

Голова у меня шла кругом, и, не будучи в состоянии прийти к какому-нибудь решению, я без сил прислонился к одной из мачт и стал дожидаться конца.

Как ни старался я владеть собою, мои нервы не выдержали напряжения, и, по всей вероятности, я потерял сознание.

Внезапно вместо разрыва снаряда, который должен был уничтожить меня, я услышал громкий окрик. Голоса исходили из лодки, причалившей к поплавку...

— Я был спасен, можете вы поверить этому?..

Мой друг умолк и вытер платком испарину, выступившую у него на лбу. Лицо его приняло пепельно-серый оттенок. А между тем я знал, что этот старый вояка не раз уже видел смерть на своем веку. Я ждал некоторое время, но потом, не будучи в состоянии совладать с любопытством, спросил:

— Но почему ваше судно прекратило стрельбу? Ведь, насколько я понял из ваших слов, ему предстояло сделать еще несколько залпов?

— Очевидно, даже в наш век бывают «чудеса»,— последовал ответ.— С одним из матросов случилось несчастье: ему сильно повредило руку замком орудия. И в те минуты, которые ушли на возню с раненым, выяснилось, что меня никто не видел с момента отплытия от мишени. Судно дали сигнал, стрельбу прекратили, и я был спасен...

Я стоял, сжав кулаки и крепко стиснув зубы, и ждал...

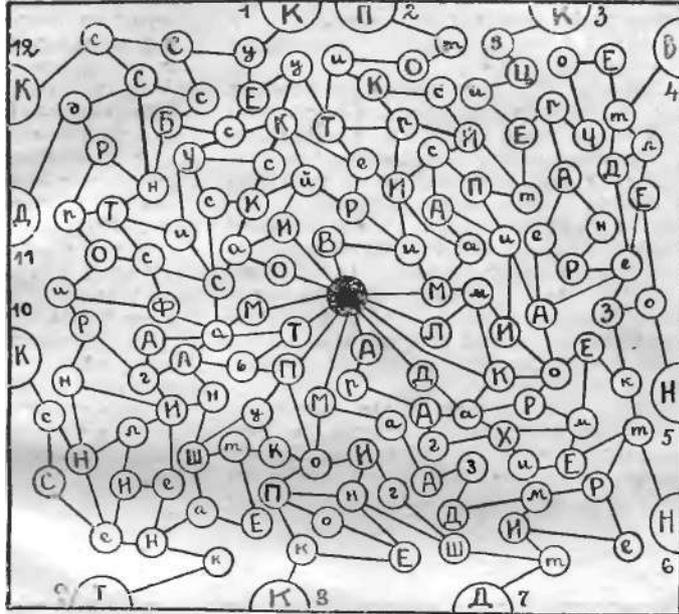
Шевели мозгами

Отдел ведется Г. А. З.

ВТОРАЯ СЕРИЯ КОНКУРСА ЗАДАЧ

№5. Вспомним географию.

В данном прямоугольнике прочитайте названия известных городов и рек мира следующим способом. Начиная от черного кружка, до полукружка с цифрой найдите такой путь, по которому бы большие буквы в последовательном порядке составили название, города, а при чтении по тому же пути, но в обратном направлении, маленькие буквы дали название реки. Все кружки должны быть использованы при чем каждый только один раз

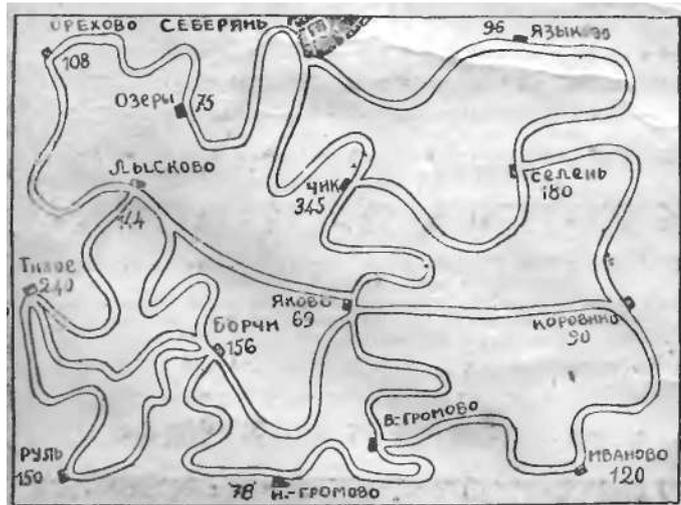
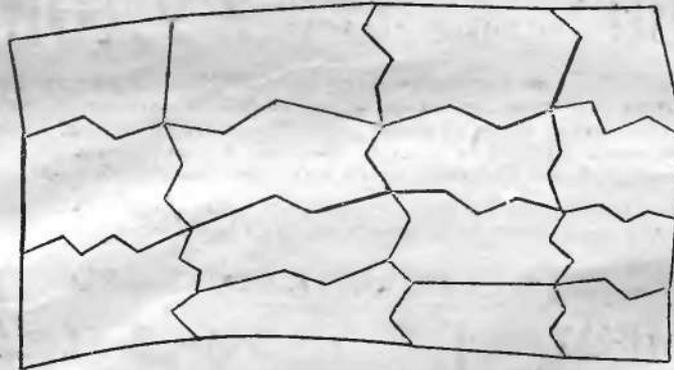
№ 6. Странное завешание.

В старом архиве небольшого уездного городка недавно было найдено оригинальное завешание одного крупного землевладельца, отца пятнадцати детей. Среди текста завешания были такие слова:

„Всю землю я завешаю своим детям. Прилагаемый при сем план земли разделен мною на пятнадцать участков — по числу детей. Дети должны их поделить так, чтобы имя владельца отрезка .ом и имело с именем соседа столько одинаковых букв, сколько отрезков имеет линия, отделяющая эти поля..

При завешании находился план земли и список имен детей. Вот как звали детей этого шутика: Агафон, Виктор, Гавриил, Геннадий, Дмитрий, Евдокия, Иларион, Капитон, Карп,

Ксения, Леонид, Мария, Марк, Надежда и Никанор. Мы не знаем, был ли произведен дележ между детьми. Может быть, читатели разрешат загадку этого странного завешания и распределят землю?

№ 7 Задача об инкассаторе.

Инкассатор уездного отдела народного образования, проживающий в селе В.-Громова, должен был собрать деньги на проданный инвентарь и книги с изб-читален в селах, указанных на плане. Чтобы не держать деньги дома, он решил отвезти их частями в уездный город Себерянь. Обдумав, как произвести сбор денег, инкассатор рассчитал, что он только в том случае успеет доставить деньги в город, если на поездку и всю работу по сбору им будет затрачиваться десять часов в день. В первые сутки сбора он решил доставить в город наибольшую сумму, которую он мог собрать за рабочий день.

Зная, что на поездку от одного любого пункта до ближайшего другого требуется час времени, на получку денег и оформление бумаг уйдет также час, не сможете ли вы указать, какой путь должен был избрать инкассатор, чтобы ровно через десять часов после выезда из своего села он мог доставить в город Себерянь наибольшую сумму? Около названия сел стоит сумма денег в рублях, которую должно заплатить данное село.

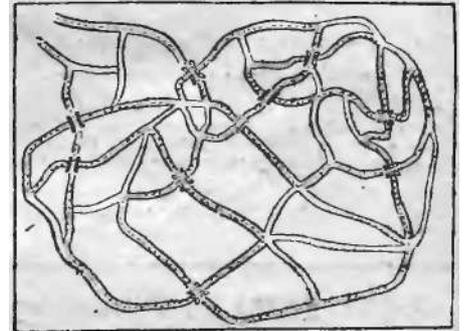
№ 8. Кто раньше?

Из точек А и В квадратного поля ABCD, площадью 19,36 гектара, одновременно выбегают два спортсмена. Выбегавший из точки А бежит по линии AD, а другой, из точки В — через поле, по прямому направлению к линии AD, до которой он добегает в точке Е, лежащей в 110 метрах от Д. В этот момент его партнер находится впереди на 30 метров. Отсюда второй бегун (из точки В) бежит по линии ED. Кто из них раньше достигнет пункта Д и на какое расстояние обгонит товарища, если известно, что весь путь каждый, из ни А, бежит с неослабевающей скоростью?

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПЕРВОЙ СЕРИИ

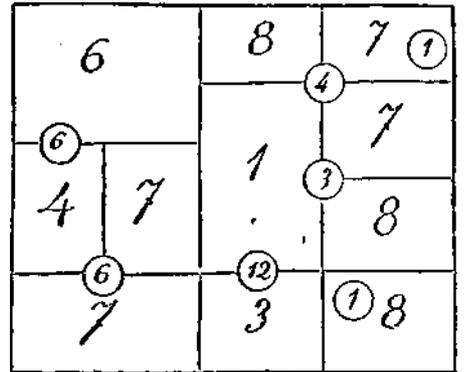
(См. "Вокр. Св." № 3)

№ 1. Задача о мостах

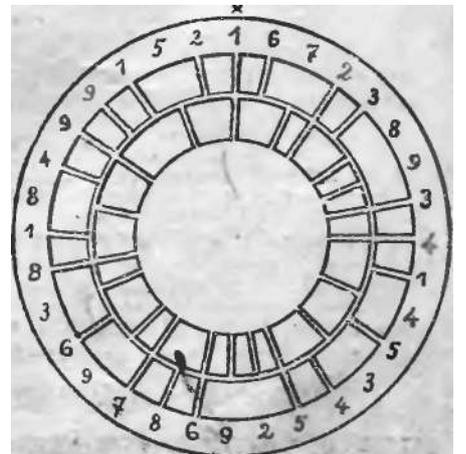

Пунктиром показан путь инженера.

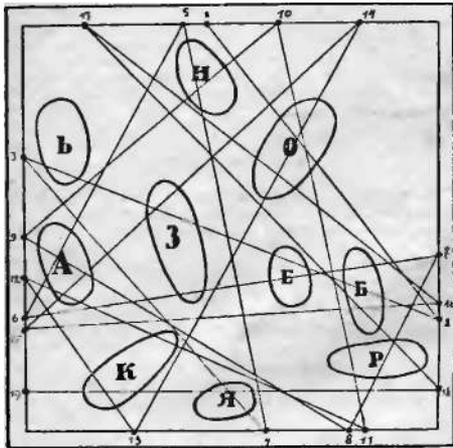
№ 2. Задача цифр.

№ 3. Задача кругов и цифр.

№ 4. Какие животные.

После соединения точек линиями, как показано на чертеже, читаются названия следующих животных: 1) обезьяна, 2) зебра, 3) норка, 4) коза, 5) бобр и 6) як.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Всем читателям. Фамилии решивших задачи 1-й серии будут напечатаны в следующем отделе.

Богуславскому Г., Дьяконову А. А., Соколовскому Т., Христенко Л. А. и К. — Не пойдет. Биркину Ф. — Передали в другое издательство.

И. д. ответственного редактора Н. М. Яковлев.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ В МИРЕ.

Полярная геофизическая обсерватория «Маточкин Шар» на Новой Земле сооружена ровно пять лет назад. Однако мало кто знает о существовании геофизической обсерватории, расположенной на столь высокой широте (73°15'). Большинство иностранных ученых, например, до сих пор убеждены, что самой северной в мире обсерваторией является гренландская.

Почему была создана обсерватория на Маточкином Шаре?

Опыт многих лет плавания в Карском море убедил, что распределение плавающих в нем льдов зависит исключительно от направления господствующих в первую половину лета ветров. В иные годы преобладали северные и северо-восточные ветры, и благодаря этому южные проливы (Карские ворота и Югорский Шар) были долгое время закрыты льдом, который сосредоточивался в южной половине моря. Одновременно средняя часть моря и пролив Маточкин Шар были свободны от льда, и плавание к острову Белому не представляло затруднений.

Чтобы заранее знать, каким путем следует идти, надо иметь определенное представление о характере метеорологических факторов, преобладающих в известный период времени в Карском море, и лишь не-

посредственное наблюдение за проливом могло ответить на этот вопрос простейшим образом.

К постройке радиостанции на Маточкином Шаре гидрографическое управление приступило летом 1923 года.

Дома для жизни персонала и радиоустановок были куплены готовые в Архангельске и в разобранном виде перевезены на Новую Землю. За 6 недель на Маточкином Шаре был создан целый научный городок: павильон для магнитной обсерватории, метеорологическая станция, две радиомачты по 60 метров высоты.

В этом оазисе 10 человек отважно остались на целый год. Зима была тяжелая. Метелями жилой домик и обсерваторию заносило снегом до самой крыши. Отойдя на десяток шагов, люди в полярную ночь не могли найти своего жилища. Не было свежего мяса и зелени.

Летом 1924 года продолжалось дальнейшее оборудование обсерватории и радиостанции. Провели электричество. Аккумуляторная батарея давала возможность радиостанции вести переговоры с судами в море в любое время без пуска мотора. На вторую зимовку привезли живой скот. Животные отлично провели полярную зиму. Корова принесла теленка, и зимовники питались свежим молоком. Дали приплод и свиньи. Не выжили лишь куры, которые начали падать с наступлением полярной ночи.

И.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НА ИЗДАНИЯ „ЗИФ“

ЧЕРЕЗ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ГАЗЕТЫ „ГУДОК“

Прием подписки на издания „ЗИФ“ через уполномоченных газ. „ГУДОК“ прекращается. Всем желающим **продолжить** подписку на журналы „Всемирный Следопыт“, „30 дней“, „Журнал для Всех“, „Земля Советская“ и др. издания „ЗИФ“ следует подписную плату **направлять** или **непосредственно** в „ЗИФ“ по адресу: **МОСКВА, 9, ул. Герцена, /2/а, Отдел период, изд. Гос. Ака. Изд. О-ва „Земля и Фабрика“, или в местные отделения и пр-ва „ЗИФ“.**

В виду ограниченных тиражей изданий и возможности прекращения приема подписки, с высылкой денег необходимо **поспешить**.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ!

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ГА 60 к. в МЕСЯЦ (1-й абонемент)

подписчики получают ежемесячно 1 номер „Всемирного Следопыта“, 2 номера „Вокруг Света“, 1 номер „Всемирного Туриста“.

Подписки на „Всемирный Следопыт“ по 11-му абонементу за доплату в 4 руб. 50 коп. могут получить первые 24 книги собрания сочинений Джексона Лондона выходящие приложением к „Всемирному Следопыту“ в 1923 году.

ПРИ ПОДПИСКЕ НА ГОД ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА ПО ПЕРВОМУ АБОНЕМЕНТУ (6 руб) при подписке — 3 руб., 50 коп. и к 15 июля — 2 руб. 50 коп.
ПО ВТОРОМУ АБОНЕМЕНТУ (10 руб.): при подписке — 3 р., к 1 апреля — 3 руб., к 15 июня — 2 руб. и к 15 сентября — 2 руб.
ПО ТРЕТЬЕМУ АБОНЕМЕНТУ (4 р. 50 к.) подписка производится только на год: при подписке 5 р., к 1 апреля — 5 р., к 15 июня — 2 р. 50 к. и к 15 сентября — 2 руб.

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ:

ЗА 30 к в МЕСЯЦ подписчики получают ежемесячно 1 номер „Земли Советской“. На год — 3 р. на 6 м. — 1 р. 60 к., на 3 м. — 85 к.

ПРИ ПОДПИСКЕ НА ГОД ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА: при подписке — 1 р. 20 коп., к 15 апреля — 1 руб. и к 15 июня — 80 коп.

30 ДНЕЙ

ЗА 90 к. в МЕСЯЦ (1-й абонемент)

подписчики получают ежемесячно 1 номер „30 дней“ и 1 книгу „Библиотеки Современных Писателей“, или 1 номер журнала „Четыре Сезона“ (в течение года выйдут 8 книг „Библиотеки Современных Писателей“ и 4 номера „Четыре Сезона“).

За доплату в 50 к. в месяц т. в. всего ЗА

1 р. 40 к. в МЕСЯЦ (11-й абонемент)

подписчики получают ежемесячно все указанное в 1-м абонементе и по 2 книги в месяц собрания сочинений ГЮИ ДЕ-МОПАССАНА

Подписка принимается с февраля (с 2) и до конца года со всеми приложениями.

ПРИ ПОДПИСКЕ НА ГОД ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА

ПО ПЕРВОМУ АБОНЕМЕНТУ (8 руб. 60 коп.): при подписке — 3 руб. 60 к., к 1 апреля — 3 руб. и к 15 июля — 2 руб.

ПО ВТОРОМУ АБОНЕМЕНТУ (13 р. 50 к.): при подписке — 4 р., к 1 апреля — 3 р. 50 к., к 15 июля — 3 р. 63 к. и к 15 сентября — 2 р. 50 к.

ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

ПО I АБОНЕМЕНТУ (ЗА 30 КОП в МЕСЯЦ) подписчики получают ежемесячно 1 номер „Журнала для ВСЕХ“.

По II АБОНЕМ. (подписка принимается только на год 60 к.) — подписчики получают в качестве приложений 6 кн. собр. соч. Н. Ляшко и альбом портретов пролетарских писателей.

ПРИ ПОДПИСКЕ НА ГОД ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Проспекты с подроб. условиями подписки высылаются бесплатно.

ОТДЕП ПЕРИОД. ИЗД. ГОСУД.

ИЗД. О-ВА „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

СЕКАРОВСКАЯ ЖИКОСТЬ

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГОСБЫТ»

УЧЕБНИК ГИПНОТИЗМА

ВНУТРЕННЕ И ЕГО ТЕХНИКА.
Под ред. проф. В. Галаровского. Цена с пересылкой 1 руб. 40 коп. Книжный склад «КНИГОСБЫТ».
М. Ивасенко в К^о. Москва, ул. Герцена, 15/21.

БОЛЬШИЕ СЧЕТНЫЕ ТАБЛИЦЫ

для механического и быстрого умножения и деления а. г. асатмины могут вполне заменить арифмометры и пр. аппараты, недоступные по цене многим провинциальным учреждениям. Цена в перепл. 6 р. Статистическое издат. ЦСУ СССР. Москва, П. Большой Вузковский пер., 2.

ЧЕРЧЕНИЕ ЛЕГКО ИЗУЧАЕТСЯ ПО ПОСОБИЯМ А. Д. ДЕМКИНА

ТРЕБУЙТЕ во всех книжных магазинах и от автора: Москва, Покровка, 50/4.
1) Техника черчения. 5 изд. Доп. ГУС и рекоменд. МОНО, Ц. 2 р. 25 к. 2) Технич. условн. знаки в обознач. для чертежей. Доп. ГУС. Ц. 2 р. 50 к. 3) Условн. знаки специальн. назначения. Доп. ГУС. 1 р. 75 к. 4) Образцы шрифтов и рамок для чертежей и стенограмм. Доп. ГУС. 2 р. 5) Образцы диаграмм. 1 р. 75 к. 6) Черчен. кривых. 1 р. 50 к. 7) Черчен. с натурой. Основы проекц. и перспектн. черчения 1 р. 75 к. 8) Правила для расстан. размеров. 85к. 9) Черчение по клеткам. В 3 вып. по 30 к.

ВЫПИЛИВАНИЕ АЛЬБОМ

С РУКОВОДСТВОМ в ПРИЛОЖЕН. 12 пилочек, 5 л. перепл. бумаги 1929
Выс. нал. пл. за 1 р. 85 к. с перес. Москва, Моховая, 22/В. Кооп. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

НОВЕЙШЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ КУСТАРЕЙ И САМОУЧЕНИЙ СОСТАВЛЕННОЕ ГРУППОЙ ИНЖЕНЕРОВ-СПЕЦИАЛИСТОВ

„Полезные производств“
кожи, мыла, зеркала, красок, чернил, синьки, ваксы, кремов, масел, смазочных масел, духов, одеколонов, пудры, помад, предметов ухода за кожей, волосами, ногтями, а также обработка и окраска кости, рога и мехов и мн. друг. с громадным количеством рецептов и рисунков. Цена с перес. 3 руб. 50 к. Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН, Ленинград, внутри Гостиного Двора 124/В.

кожи, мыла, зеркала, красок, чернил, синьки, ваксы, кремов, масел, смазочных масел, духов, одеколонов, пудры, помад, предметов ухода за кожей, волосами, ногтями, а также обработка и окраска кости, рога и мехов и мн. друг. с громадным количеством рецептов и рисунков. Цена с перес. 3 руб. 50 к. Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН, Ленинград, внутри Гостиного Двора 124/В.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

Дж. Хаукис, реж. проф. Колунова ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК-САМОУЧ. электротехн., построен на вопросах, ответах и иллюстр. ПОПУЛЯР. ЯСНОЕ ИЗЛОЖ. гарант. легкую усваиваемость (не требует знания высш. матем.) Цена за 2 тома (620 стр., 907 рис. и черт.)—5 р. 25 к., проск. зол. тисн. пер.—6 р. 50 к. Выс. нолуч. 1 р. зад. Москва, Моховая, 22/В. Кооп. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Проф. Г. ВАН-ЛУН. Капиталист. труд знаменит. американского ученого, разошедш. в Америке в количестве 1 000 000 экз. Цена 2 т.—4 р., в роскошн. перепл.—5 р. 50 к. Москва, Политехн. Музей, 110/В. Кооперативное Т-во «Культура и Знание».

ИЗУЧАЙТЕ РЕМЕСЛА НА ДОМУ

СЛЕСАРНЫЕ, КУЗНЕЧНЫЕ, СТОЛЯРНЫЕ, КАРТОНАЖНЫЕ и друг. работы по САМОУЧИТЕЛЮ Венельта «Лабораторная практика». 394 рис. Цена 2 руб. в папке с перес. Высл. налог. пл. Москва, Моховая, 22/В. Кооперат. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕКЛАМАТОР

Под ред. Н. Омеляновича и В. Писта. Стихотв. 75 поэтов (от Тютчева до Есенина). Частишки. Ритмо-песнь. 295 стр. Ц. 1 р. 75 к. Высл. налог. пл. Москва, Моховая, 22/В. Кооперат. Т-во «САМООБРАЗОВАНИЕ».

ЛЕГКО ИЗУЧАЕТСЯ ПО ПОСОБИЯМ А. Д. ДЕМКИНА

ТРЕБУЙТЕ во всех книжных магазинах и от автора: Москва, Покровка, 50/4.
1) Техника черчения. 5 изд. Доп. ГУС и рекоменд. МОНО, Ц. 2 р. 25 к. 2) Технич. условн. знаки в обознач. для чертежей. Доп. ГУС. Ц. 2 р. 50 к. 3) Условн. знаки специальн. назначения. Доп. ГУС. 1 р. 75 к. 4) Образцы шрифтов и рамок для чертежей и стенограмм. Доп. ГУС. 2 р. 5) Образцы диаграмм. 1 р. 75 к. 6) Черчен. кривых. 1 р. 50 к. 7) Черчен. с натурой. Основы проекц. и перспектн. черчения 1 р. 75 к. 8) Правила для расстан. размеров. 85к. 9) Черчение по клеткам. В 3 вып. по 30 к.

ГАРАНТ. АМКУР. ДОСТАВКА ЛЮБУЮ КНИГУ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ самообразования—техника, учебники, медицина, классики и пр.—высылает наложен. платежом Москва, 9, Моховая, 22/В. Кооперативное Товарищество «САМООБРАЗОВАНИЕ».

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Проф. Г. ВАН-ЛУН. В 2 томах, с многочисл. иллюстр. в тексте. Перепл. на все европ. языки. В Америке прошло 1 000 000. Цена за 2 т.—4 р., в одном худож. перепл.—5 р. 50 к. с перес. Издат. «Пучина». Москва, Петровка, 20/В.

ЗАРАБОТОК

СОЛИДНЫЙ и ВЕРНЫЙ можете иметь на дому без спец. оборуд., научившись способам кустарн. изготовл. ФРУКТОВОГО ВИНА, УКСУСА ИЗ ПЛОДОВ ЯГОД по практич. рук. проф. Добу. Цена рук. с перес. нал. плат. 2 р. 85 к. Ленинград, внутри Гостиного Двора, 55—10, Изд-во «УНИЗДАТ» А. Я. Гольдина.

ИГРЫ ОСТРОУМИЯ.

Задачи, курьезы, шутки, головоломки и др. из разл. област. жизн. и знан., с 763 ответ. по кн. «Развл. на досуге», 186 стр., 184 рис. Ц. 2 р. 50 к. с перес. Москва, улица Герцена, 31/12. Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

135 ФОКУСОВ ЗАБАВ

занимат. опытов в клубе и дома по книге А. Мирлеса «Физика в развлечениях». Рекомендовано ГУС'ом. 138 стр., 186 рис. Ц. 1 р. 75 к. с пересылкой. МОСКВА, улица Герцена, 31/12, Кооперативное Т-во «СОВРЕМЕННОК».

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

изучайте по самоучителю В. Шмелева, в 10 вып., составлен по методу Мертенра, не треб. заучив. слов и правил. Доп. Гос. Учен. Советом Ц. 2 р. 85 к. с перес. Москва, ул. Герцена, 31/12. Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

САТИРА и ЮМОР

В. СЕРЕЖНИКОВ Сборн. лучших сатирич. и юмор. произв. прошл. и нов. врем. для чтен. и деклам. 330 стр. 2 р. 35 к. в перепл. с перес. Москва, улица Герцена, 31/12. Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ

Одобен Ленингр. Сов. Физкультуры. Свыше 600 стр. 100 рисунков. **ВСЕ ВИДЫ СПОРТА** Цена с пересылкой 2 р. 90 к. Москва, ул. Герцена, 31/12. Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

ПИСАТЬ ЧЕТКО И КРАСИВО

быстро научитесь по руководств. М. Калмыкова. Курс в 240 упражн. Цена с пер. 1 р. 75 к. Москва, ул. Герцена, 31/12, Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

АЛЬБОМ РИСУНКОВ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ

32 табл. бол. форм. на отдел. листях с прилож. 12 шт. выло. Сперес. ц. 3 р. 50 к. Москва, ул. Герцена, 31/12. Кооп. Т-во «СОВРЕМЕННОК».

ЛЮБУЮ КНИГУ

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ КООП. Т-ВО «СОВРЕМЕННОК» Ленинград, 28. Пр. Володарского, 27.

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия «А» цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
Серия «Б» цена—21 предмет. Домашняя аптечка—21 предмет.
Серия «Б» цена 3 р. Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарственных—24 предмета.
Серия «В» цена 5 р. Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарственных—31 предмет.
Серия «Ж» цена 50 коп. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылаются не менее 3 шт.)

В КАЖДОЙ АПТЕЧКЕ ИМЕЕТСЯ НАСТАВЛЕНИЕ К ПОЛЬЗОВАНИЮ.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если Вы переводите деньги вперед—заказ пишите на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почтов. перевод) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Адрес: МОСКВА, центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отдел посылок № 35.

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК

всем изучившим по САМОУЧИТЕЛЮ полный курс

КРОЙКИ и ШИТЬЯ

женских, детских верхних вещей и платьев, мужского, женского и детского белья. В книге 300 рис., черт. и выкроек.
Цена с пересылкой 3 р. 35 к. Книжный склад «КНИГОСБЫТ» М. Ивасенко и К^о. Москва, ул. Герцена, 15/21.

РЕШЕБНИКИ

Задачи с подробными решениями, предлагавшиеся на конкурсных экзаменах в вузах и вузах.

1. ГЕОМЕТРИЯ и ТРИГОНОМЕТРИЯ—проф. Делоне Житомирского. 719 задач, с решениями. 349 черт. 352 стр. Ц. 4 р.
 2. АЛГЕБРА—проф. Я. Белицкий. 524 задачи с решениями. Ц. 2 р. 25 к.
- Заказы направлять: Акци. 0-ву книжной торговле. Ленинград, внутри Гостиного Двора, № 124/В.

Готовься в профшколу и на рабфак

Пособие по подгот. к испытан. в профтехн.школах, в школы ФЗУ, на профкурсы и рабфака (обществовед., русск. яз., арифм., географ.) как заниматься, как поступить—6 кн. по 250 стр.)
1-я кн. вых. в нач. марта. Все изд. буд. законч. в июне 1929 г. УСП. ПОДПИСКИ: за 6 кн.—5 р. Можно при подл. внести задат. 1 р., а остальн. выпл. нал. плат. при получ. первых 4 книг.

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО. Заказы направлять: МОСКВА 19, Воздвиженка, 10/В. Издательство «РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ».

ПОСЛЕ БРИТЬЯ

Устраняет раздраж. кожи, дезинфицирует и смягчает кожу, снимает запах мыла.
Для лица и рук обильно протирать, утром и вечером.
Требуется в аптеках и магазинах шампуней и парфюм.
ЦЕНА 37 КОП.
КООПЕРАТИВ ГАЛЕН-МОСКВА МОСКВА
УЛ. ГЕРЦЕНА

Пастовщю только с маркой «АНО», все остальное — подделка и подделка.

**РУЧНОЙ ТРУД
САМОУЧИТЕЛЬ
РЕМЕСЛ**

Столярн., токаря, слесаря, литейщик, кузнеца, жестянщик, переплетчи, картонажн., гончарн.

КРОЙКИ И ШИТЬЯ

вязанья, вышиванья, выпильив., выжиган., вырезанья и мн. др. с 199 рисунками и образцами работ. Самодельное изготовление инструментов. Цена с перес. 3 руб. Высылает Ид-во БРОК-ГАУЗ-ЕФРОН Ленинград, внутри Гостиной Двора 124/В.

СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ

научитесь изготовлять предметы домашнего обихода по новейшей книге П. Леонтьева

РУЧНОЙ ТРУД

Практич. руковод. для ремесленников и любителей. 199 рис., образцы работ.

РЕМЕСЛА:

столярное, токарн., жестянщик, перепл., картонаж, кройка, шитье, гончарное, вязанье, вышиванье, выжиганье, выпильиванье, вырезанье, плетение и многие другие. Цена с пересыла, 3 р. Высылает изд-во Брокгауз-Ефрон, Ленинград, внутри Гостиной Двора, 124/В

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую, как новую, так и старую, высл. налож. пл. в 3-дневн. срок Отдел почт. отправл. книжного магазина ВЦСПС. Москва, Кузн. Мост, 20.

**КВАЛИФИКАЦИЮ
ЭЛЕКТРОТЕХНИКА, СЛЕСАРЯ
ЛИТЕЙЩИКА, ТОКАРЯ И ПР.
ПРИОБРЕТЕТ КАЖДЫЙ
ОБУЧАЯСЬ ПО НОВОМУ ИЗДАНИЮ**

**"РАБОЧИЙ
ТЕХНИКУМ
НА ДОМУ"**

РЕКОМЕНД. ЦИНСРМАКОЛГСПС

**СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ОБЕСПЕЧИВАЕТ ЗАРАБОТОК**

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
НА**

- 1. МЕТАЛЛООБРАБОТКА**
1. Курс кузнечного дела—8 книг. 7 р.
 2. " котельного " —7 книг. 6 р.
 3. " механ.-инстр. дела—8 кн. 8 р.
 4. Полный курс—15 книг . . . 15 р.

- 2. МЕТАЛЛУРГИЯ**
1. Курс металлург. чугу.—5 кн. 5 р.
 2. " стали—9 кн. 6 р.
 3. " сплав. и литейн. дела—8 кн. 6 р.
 4. Полный курс—18 книг 14 р.

- 3. ЭЛЕКТРОТЕХНИКА**
1. Курс сильных токов—10 кн. 9 р.
 2. " слабых токов—7 кн. 7 р.
 3. Полный курс—13 книг 13 р.

Допускается
рассрочка

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Ленинград, **ЛЕНОТГИЗ**
Пр. 25 Октября, 28. Дом Книги

Москва, центр, Ильинки, 3, ГОСИЗДАТУ
Проспекты бесплатно

Вниманию застройщиков и строителей
Издание 1928 года

АЛЬБОМ ПРОЕКТОВ

зимних дач, изб, особняков, небольших домов для одной семьи, рабочих, городских кооператив. и провинциальн. домов из дерева и кирпича. 200 черт. и рисунков. Все проекты впервые в печати и отражают современные условия жизни и строительства. Проекты недорогих, удобных и оригинальных построек без чердака, с новыми констр. крыш. Издание 1928 г. приурочено автором к 25-летию его труда. **Цена 6 р.** Доставка в Москве бесплатно. За пересылку в др. города 50 к. Высылка и наложенным платежом.

ИСПОЛНЯЮ ЗАКАЗЫ НА сметы, проекты, чертежи для представления на разрешение построек и ремонта.

Автор-изд. Г. М. СУДЕЙКИН. Москва, 2, Ионинский бул., 84, кв. 29. Тел. 3-34-08.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ „ПОЛИГЛОТ“ УМЕНЬШАЕТ БЕЗРАБОТИЦУ

ЗАОЧНЫЕ ПРОМЫШЛЕННО-ЭКОНОМИЧЕСК. и ХУДОЖ.-ТЕХНИЧЕСКИЕ КУРСЫ, учрежденные в 1917 г.

Заочное преподавание ведется по четырем отделениям курсов:

- 1) **ВЫСШИЕ СЧЕТНЫЕ КУРСЫ.**—Новые формы бескнижного учета. Банков. счетов. Статистика. Фабрично-заводских счетов. Фин. выч. Основы акционерства. Анализ баланса. Организация счетов. по принц. НОТА.
- 2) **КУРСЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.**—Бухгалт. Коммерч. выч. Делопроизв. Коммерч. и администр. корresp. Стенография. Каллиграфия (исправление почерка).
- 3) **ТЕХНИЧЕСКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КУРСЫ.**—Техническо-худож. черч. Машиностроит. черч. Рисование.
- 4) **КУРСЫ ИНОСТР. ЯЗЫКОВ.**—Заочное обуч. английскому и немецкому языкам.

По оконч. курса и провиз. попыт. в Инвализд. Ком. выд. соств. ДИПЛОМ. Требуется бесплатно проспекты и программы.

В 1927—28 учебн. году окончило КУРСЫ 5.986 человек.

**СКОРО
НА
ЭКРАНЕ**

РЕЖИССЕРЫ — Григ. Козинцев и Леонид Траурбург
ОПЕРАТОР — Андрей Мосюкин
ХУДОЖНИК — Евгений Зяев
КОМПОЗИТОР — Дмитрий Шостаков

МИРОВОЙ ФИЛЬМ

НОВЫЙ ВАВИЛОН

ЭПИЗОД ИЗ ЭПОХИ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ И КОММУНЫ 1871 Г.

- Главные действующие лица:
- Продавщица . . . Елена КУЗЬМИНА
 - Актриса София МАГАРИЛЛ
 - Хозяин Давид ГУТМАН
 - Солдат Петр СОБОЛЕВСКИЙ
 - Приказчик . . . Андрей КОСТРИЧКИН
 - Журналист . . . Сергей ГЕРАСИМОВ

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФАБРИКИ
„СОВКИНО“

